

**«ГОСПОДИ! СКОРО ЛИ КОНЧАТСЯ
НАШИ МУКИ!...»:**
дневники прапорщика К. В. Ананьева

Прапорщик Константин Васильевич Ананьев родился в мещанской семье 2 июня (20 мая) 1897 г. в Петроградской губернии. Он окончил 6 классов Придворной певческой капеллы¹. Патриотический подъем, отмеченный в российском обществе с началом Первой мировой войны, видимо, захватил и его, а потому после окончания обучения 14 (1) января 1916 г.² он был зачислен во Владимирское военное училище на 4-месячный курс ускоренной подготовки офицеров. К присяге он был приведен 3 марта (19 февраля) 1916 г., а 14 (1) апреля — произведен в унтер-офицеры. 14 (1) мая К. В. Ананьев получил первый офицерский чин прапорщика с правом производства в подпоручики по истечении 8 месяцев со дня производства (а за боевые отличия в любое время). На службу он отправился в 159-й пехотный запасной батальон младшим офицером 4-й роты³. Однако в тылу он не задержался и при первой возможности ушел на фронт — в 405-й пехотный Львовский полк. На фронте он был до конца 1917 г. К сожалению, неизвестно, как сложилась его дальнейшая судьба. Дневники были обнаружены в семье Р. В. Степанкова и переданы в Благотворительный фонд имени адмирала Павла Жонеса, который предоставил их для изучения в Российское военно-историческое общество.

405-й пехотный Львовский полк был сформирован приказом Верховного главнокомандующего за № 460 от 19 (6) июля 1915 г. Он входил в состав 102-й пехотной дивизии 3-го армейского корпуса 8-й армии. 12–13 августа

¹ Историю свою она начинает с 1476 г., когда Иван III создал Хор Государевых певчих дьяков. С XVIII в. — Придворная певческая капелла. В 1796 г. ее директором стал Д. Бортнянский. В настоящее время носит название «Государственная академическая капелла Санкт-Петербурга».

² В дневниках указана дата 24 (11) января.

³ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 111806. Л. 1–3.

(30–31 июля) 1915 г. он принял участие в боях у Слободзеи. Зимой 1915–1916 гг. в нем были сформированы специальные гренадерские части⁴.

В полк К. В. Ананьев прибыл только в августе 1916 г. Летом полк долгое время находился в дивизионном резерве. И только оттуда 14 (1) августа он выступил на фронт — на смену 1-го и 2-го гвардейских стрелковых полков на р. Стоход. Льговцы заняли позицию от дороги из д. Остров-Волос на высоте 90,0 до дороги у д. Большой Усовец (на позициях разместились 1-й, 2-й и 3-й батальоны, а 4-й остался в резерве)⁵. В конце сентября — начале октября 102-я дивизия была включена в состав 25-го корпуса Особой армии генерала В. И. Гурко⁶, которая вместе с 8-й армией генерала А. М. Каледина в очередной раз (и снова неудачно) пыталась развить наступление на Ковель. Все оставшиеся месяцы 1916 г. 405-й Льговский полк оставался на р. Стоход, укрепляя позиции и вступая в отдельные стычки с германцами. Практически ежедневно войска несли потери от обстрела противника. Так, за август 23 нижних чина были убиты, а 133 — ранены и контужены⁷. После Февральской революции полк был снят с фронта и переведен в резерв⁸.

Дневник К. В. Ананьева публикуется в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации с незначительной стилистической редакцией и сокращениями, не влияющими на то, как сам автор осмыслял свое участие в великой войне. Даты в тексте приводятся по старому стилю.

⁴ РГВИА. Ф. 2954. Оп. 1. 405-й пехотный Льговский полк. Л. 1–2.

⁵ РГВИА. Ф. 2954. Оп. 1. Д. 56. Л. 1.

⁶ Гурко В. И. (1864–1937) — генерал, сын известного фельдмаршала, еще до Первой мировой войны успел себя проявить в качестве военного, дипломата и историка. Войну встретил во главе 1-й кавалерийской дивизии, с которой участвовал в наступлении в Восточной Пруссии. 30–31 (17–18) августа организовал дерзкий рейд через германские позиции на Алленштайн с целью оказать содействие попавшей в окружение 2-й русской армии. В сентябре успешно действовал в боях в Августовских лесах, у д. Рачки не допустив разгрома 3-го Сибирского корпуса. В октябре 1914 г. возглавил конный корпус, а затем получил в командование 6-й армейский корпус (Западная Польша). Именно на его фронте в январе 1915 г. под Болимовым германцы произвели первую химическую атаку на восточном фронте. В мае–июне 1915 г. в боях на Днестре расстроил два вражеских корпуса, захватив 13 000 солдат и офицеров и 6 орудий, за что удостоился ордена Св. Георгия 3-й ст. В дальнейшем возглавлял 5-ю и Особую армии, а зимой 1916–1917 гг. был вр. и. д. начальника штаба Ставки, разработал свой план операции на 1917 г.

⁷ РГВИА. Ф. 2954. Оп. 1. Д. 56. Л. 2–31.

⁸ РГВИА. Ф. 2954. Оп. 1. 405-й пехотный Льговский полк. Л. 3–4.

Дневник прапорщика К. В. Ананьева

11 января 1915 г.

Сегодня поехал в Капеллу и узнал, что все товарищи приняты в училище и зачислены на январский курс. Сразу же я отправился во Владимирское военное училище на мед. осмотр, и там мне сказали: «Желаете, являйтесь сегодня». Я, конечно, согласился и за 2 часа приехал в Капеллу, успел сыграть выходной экзамен на контрабасе и получить «5».

К 3 ½ час. дня я, радостный и довольный, почти бежал к трамваю, и мне казалось, что он так тихо меня везет, как никогда. Все-таки я благополучно дошел до училища и с робостью и боязнью вступил на его порог, последний раз — штатским. Явился к дежурному офицеру. Минут через 40 я, уже одетый в юнкерское одеяние, шествовал в зал для слушания лекций...

Перенесусь на ½ года вперед...

1 июля 1916 г.

Я уже 1 мая надел офицерские погоны — теперь лечу на позицию.

Итак, мое желание осуществилось — попасть с офицерскими погонами на позицию. Не мог я усидеть больше 1 ½ месяцев в 159 пех. зап. полку: тоска, хоть и в город съездишь, и на занятиях иногда перестараться, но всё хочется чего-то другого, более существенного, чем это — это прозябание по году и ½ года в запасном полку¹. Видишь, как многие стараются остаться в полку как можно дольше и бледнеют при вести о командировании <...>

* * *

Невероятно долго тащится поезд, сейчас 10 час. вечера, а выехали в 4 часа, до Луцка всего 12 верст. Поезд остановился где-то в лесу у землянок, видно, что зимовала какая-то большая часть. Почти по всему пути телеграфные столбы подпилены и поставлены новые. Побродив, мы пришли в вагон и улеглись спать...

¹ Отметим, что точно такое же отношение к службе, правда, в 10-й инженерной рабочей дружине, высказывал в неопубликованной части дневника и А. Я. Семаков.

13 июля 1916 г.

Толчок — я проснулся, посмотрел на часы — 8 час. утра — и это поезд всё тащится до Луцка. Какие-то разоренные избы, поля — всё застыло, несмотря на близость войны.

Проехав еще минут 10, мы узнали, что дальше поезд не идет, т. к. вокзала не существует — разрушен до основания. Вынесли под откос вещи офицеров на фронт; и не можешь оставаться среди таких...

Многие говорят: «Вы подумайте, что, быть может, ожидает Вас там». Действительно, может случиться и нечто ужасное — всё бывает, но неужели можно думать — на занятиях, лежа в тени на траве, когда кадр стареет, [и при этом] учить, что здесь приносишь пользу. Правда, не все такие, есть и такие, которые приносят и здесь громадную пользу — подготавливая будущих и воодушевляя старых бойцов за Родину.

Конечно, само собой понятно, что рвение попасть на фронт не ограничивается желанием пострадать за Родину, здесь помимо всех патриотических чувств проглядывает и черточка эгоизма, т. е. одновременно оно приносит пользу как другим, так и себе, кто этого не скажет по чистой совести².

Хотя действительно будет тяжело на позициях, но ведь миллионы людей выносят всё, так почему же мне, здоровому, молодому, не вынести — пустяки. Ну да там видно будет. Что будет то будет?!

1 мая 1916 г.³

Сегодня день великий, день, который останется навсегда в памяти каждого юнкера, произведенного сегодня. Как-то не верится, что через несколько часов будешь офицером... Хотя все приготовленные одеяния: китель, офицерское снаряжение, — всё говорит о чем-то радостном, которое произойдет очень скоро... и которого так нетерпеливо дожидались 4 месяца.

Наконец, в 9 час. послышалось известие: «Стройся на производство», и мы на скорую руку становились, толпились и весело болтали,

² Крупный исследователь создания русской армии в годы Первой мировой войны А. Б. Асташов также отмечал подъем патриотических настроений в войсках в период Брусиловского прорыва. См.: *Асташов А. Б. Русский фронт в 1914 — начале 1917 года: военный опыт и современность*. М., 2014. С. 113–124.

³ Такая последовательность событий дана в самом тексте дневника. Видимо, автор возвращается на полтора месяца назад, к моменту присвоения первого воинского звания.

называя друг друга прапорщиками и гг. офицерами. Вот мы уже стоим в зале, где нас при поступлении исследовал медицинский осмотр, куда мы вошли статскими, а выйдем... офицерами, почти не слушая чтение разных приказов и пр., мы ждали телеграммы Государя Императора о производстве, которую с большой торжественностью прочитал нам начальник училища г[енерал]-м[айор] Пестриков⁴. Долго мы кричали «ура!» Государю и семье и начальствующим миром и пели гимн раза 4. После этого нам каждому выдали по приказу о производстве, и каждый, найдя свою фамилию, складывал приказ в длину вдвое и клал под погон. После этого нас поздравляли свои офицеры. Итак, я — офицер.

Затем был молебен, после которого мы, счастливые и довольные, толпой, не строем, пошли переодеваться. Переодевшись, я пошел на улицу искать извозчика. Надев 1-й раз в жизни офицерский мундир, мне как-то не верилось, что я действительно в нем, и идя первое время, не мог не улыбаться и косо поглядывать на стекла, в которых было мое отражение!!! Но иногда, хотя и странно, я готов был опять превратиться в юнкера, но всё-таки в конце концов я сладил с собой и понял, что из себя представляю.

Был у многих знакомых. Все с довольными лицами поздравляли меня.

<...>

5 мая

Сегодня еду в Аткарск⁵. С училища был расчет 3-го [мая], и вечером я был у мамы крестной, а 4-го, распрощавшись с миленькими Лисяшей и Масяшей, я уехал на Сиверскую.

Утром до поезда с Зиной съездили на кладбище на могилу папы. Ах! Папа! Папа! Зачем тебя нет сейчас, почему ты так рано умер, не благословил нас на войну, прости, прощай! Вечером, распрощавшись с провожавшими меня родными, я уехал к месту своего служения.

⁴ Видимо, имеется в виду генерал-майор Н. С. Пестриков (1867–1934). Службу начал в лб.-гв. Московском полку. В 1896 г. окончил Николаевскую академию Генштаба. С 1910 г. — инспектор классов Владимирского военного училища. После Октябрьской революции — в РККА. По одним данным остался в СССР, по другим — в 1920-е гг. эмигрировал и умер в Белграде.

⁵ Город Аткарск (с 1760 г.) — расположен в Саратовской области. В 1907 г. здесь проживало 13 000 человек.

Во всё время прогулок я был в веселом расположении духа, да как же: новая жизнь, служба и пр. — всё кажется как-то радостно и весело. Приехал также и Леня с позиций, когда узнал, что я еду, приехал на вокзал. Как все-таки обидно — почему его до сих пор не произвели в чиновники, а мне пришлось стать чином выше его, даже как-то неудобно, ведь я младший брат, и только 20-го мне исполнилось 19 лет.

<...>

* * *

Наконец наш Всеславный Аткарск. Остановились компанией 4 человека в гостинице.

8 мая 1916 г.

Вскоре мы уже ехали по двое в лагерь, в полк, представляться полковому ком[анди]ру и всему нач[альст]ву. Я ехал с прапор[щиком] Красовским, мы очень хотели попасть в одну роту. Как забились наши сердца, когда мы завидели ряды блестящих на солнце палаток! Что-то ожидает нас здесь? Въехали в лагерь: как здесь кипит жизнь, солдаты так и снуют по всем направлениям... Вот мы уже, подтягиваясь, стоим у полковой канцелярии. Вскоре представились адъютанту. Меня и Красов[ского] назначили в одну роту — 4-ю. Здесь случайно находился и наш ротный ком[анди]р подпоруч[ик] Тибенко, георгиевский кавалер, довольно симпатичный человек.

Узнали, что идет полковой командир, ген[ерал]-м[айор] в отставке полковник Гаврилов, мы по-юнкерски разобрали складки, заволновались. Начали представляться, волнуются, запинаятся, но моя очередь прошла довольно сносно. Сказав небольшую речь, он ушел, мы вздохнули посвободнее...

Вот я и Крас[овский] уже в палатке заместителя ротного — прапор[щика] Ляшенко, познакомились и, узнав, что можно приехать завтра, мы уехали в город, где провели остаток сегодняшнего и до 9 вечера следующего дня, шатаясь по саду, в кинотеатр и пр.

<...>

10 мая 1916 г.

Стали посещать занятия, вперед всё интересовало, но в конце концов только и думаешь, как бы удрать отсюда куда-нибудь подальше... Полк не совсем сформированный, своих кухонь нет, обоза нет. Людей в ротах тоже не хватает. Полковой ком[анди]р полк[овник] Гаврилов, ген[ерал]-майор в отставке, делами полка почти не заведует, а всё

делает адъютант. Живет он со своей племянницей (женой), которая тоже оказывает свои давления, что чувствуется на парадах и смотрах. На занятиях никогда не бывает, поэтому гг. офицеры почти все ленятся да покуривают. Между прочим, он носит погоны полковника и заставляет всех, не исключая и гг. офицеров полка, называть его Превосходительство. На этой почве были инциденты, некоторые отказывались так его называть. На параде полк ответил: «Превосходительство!», а сотня казаков: «Ваше сок родь!»⁶. Я, приехав в полк, почти сразу увидел это, и как-то не по себе показалось мне здесь, не видя той железной училищной дисциплины, и через 3 недели подал рапорт о назначении в действ[ующую] армию, и скоро, не видя назначения, выхлопотал разрешение ехать с маршевой ротой — с 4-й, т.е. нашей. Но...

22 июня 1916 г.

...пришло извещение о назначении 14 офицеров в действующую армию одиночным порядком, я сразу же полетел к полковому ком[анди]ру и попросил меня назначить в списки этих офицеров, а меня заменить другим офицером, и таким путем я был назначен ехать на фронт.

24 июня 1916 г.

Сегодня состоялся расчет с отъезжающими офиц[ерами]. В 2 часа прощался со своей ротой, сказав несколько слов, и поспешил уйти, чтобы не разволноваться, но солдаты, догнав меня, начали мне крики «ура!» кричать. И через 15 мин. мы, распрощавшись с денщиками, под крики «ура!» выстроенной нашей роты, махая им фуражками, выехали из лагеря, а в 11 час. вечера, искренне и сердечно распрощавшись с офицерами, провожавшими нас, мы уехали из Аткарска и долго смотрели на светящийся в темноте ночи наш лагерь, где все-таки иногда время проводили очень хорошо.

27 июня 1916 г.

Приехал к Тане в Михайловку, обрадовав их приездом.

Время проводили: утром и день дома, а вечер с Марусей Шумиловой, которая, правда, производит на меня очень милое и славное впечатление. По правде скажу, мы иногда очень страстно целовались, но дальше ничего, да и действительно, что потом было бы с ней, когда я уехал

⁶ Т.е. «Ваше высокородие».

на позиции. Она бы пропала во цвете лет, и на моей совести лежал бы большой грех, а она так хороша и мила, и я к ней привязался и даже полюбил, и она отвечает мне этим же. Ах! Как жаль расставаться с нею в последний раз, и я пожелал ей «никогда не заходить дальше поцелуев»...

* * *

...Как быстро пролетело время, и я уже мчусь, сделав пересадку в Воронеже, — в Киев, в этот старый таинственный город для меня.

Надо сказать, что у меня сильно разболелась нога и я едва хожу, хромаю, как раненый, а между прочим, только еду «туда».

Киев — особенного ничего не представляет, жизнь идет, как и везде, почти нигде, за исключением вокзала, незаметно войны.

Прогуливался по городу — город красивый, по улице вниз-вверх, и только масса старинных церквей, и Киево-Печерская Лавра, и Софийский собор, где я купил себе иконку и прикладывался к мощам святых.

Замечательный вид с Царского сада — люди прямо как муравьи. А внизу под обрывом течет Днепр, по которому скользят беленькие парходики. Был в театре. Остановился в гостинице «Ялта» Мих. Б. (24), встретил наконец товарищей — решили дальше действовать вместе.

Получили из Киевского Распределительного пункта предписание отправиться в штаб 36 бригады в Ровно⁷, и проведя последний вечер очень хорошо, мы на следующий день, ничего не купив, хотя и собирався, выехали из Киева.

8 июля 1916 г.

Придя на вокзал, мы нашли наш поезд уже набитым сверх-сверх нормы, но заставили носильщика устроить вещи, хоть на крыше, т. к. ехать надо. Поезд тронулся — мы ехали в I классе, но внутри всё было завалено вещами, и половина площадки тоже, и в остальном пространстве — считая и ступеньки, — расположились 11 офицеров. Само собою понятно — как ни смешно и ни странно — пришлось всю дорогу стоять на ступеньках вагона, прочно уцепившись и плотно закутавшись, погода была прескверная. Таким путем доехали до Казатина, дальше, пересев в крупный вагон, поехали в Ровно.

Местность уже с проволочным ограждением и окопами. Ехать тоже пришлось на площадке, народу тьма, и всё военные и военные.

⁷ Город Ровно, первое упоминание в 1283 г. С 1795 г. — в составе Российской империи. В настоящее время находится на Украине.

Погода прескверная, ехать тоже плохо, приходится всё время стоять, и нога ноет...

Около 40 мин. стояли под горой наши поезда — не пропускали, и наконец, медленно подняв на гору при 2 паровозах, подкатили к ст. Ровно. Цельный вокзал набит военщиной, и почти все боевые. Вещи оставили на вокзале, сами пошли к коменданту, который хотя и знал, но не сказал, где штаб 36-й бригады. Остановились в довольно скверной гостинице, с жидками, да надо сказать, и весь город населен сплошь жидками, напр[имер] в жидовский праздник улицы запружены парадом⁸, а в русский — почти никого, за исключением обыденной публики. Город грязный, скверный.

В 12 час. пошли к этапному коменданту, откуда нас направили обратно на ст. Здолбуново⁹. Поехали в товарном вагоне, откуда только что убрали лошадей, поставили кое-как доски и под свист дождя и под улыбки солдат поехали в Здолбуново. Там, к кому ни обратиться, никто не говорит, где штаб бригады. Хорошо, что нашел товарища 159 полка, и он свел нас туда. С виду никто не скажет, что это штаб: небольшое здание, как все, но с небольшой бумажной красивой вывеской. Отсюда нас опять отправили в Ровно в штаб 34 бригады, а где он, опять никто не сказал. Обратно ехали с транспортом на возах, удобно и мягко. В Ровно с трудом отыскивали штаб бригады, там ждали около 6-ти часов предписания и наконец получили — с назначением в 269 полк, а где он???

Кстати сказать, мы действуем вчетвером, и у одного 2 руб., а у остальных ни копейки. Сегодня не на что обедать, а что дальше — не знаем. А еще надо и в гостинице заплатить, и вещи выкупить из багажа, а также есть и завтра, и следующие дни. Да, никогда не был в таком бедственном положении — обращались и к комендантам, но нигде никаких авансов не дают. Сегодня ничего, товарищи накормили меня и других, но что дальше?!

11 июля 1916 г.

Кого ни спрашивали, никто не говорит, где 264 бат[альон], наконец, какой-то солдат смилостивился и сказал, с трудом и мытарствами отыскали батальон и канцелярию. Не успели подать рапорт о прибытии,

⁸ Подобное проявление антисемитизма было, к сожалению, типичным для русской армии в то время, так как евреи, особенно прифронтовой полосы, рассматривались в качестве потенциальных шпионов и предателей.

⁹ Город Здолбунов, первое упоминание в 1497 г. В настоящее время находится на юге Ровенской области, Украина.

как уже я пишу рапорт об отбытии в 102 дивизию в Львовский полк. 3-х остальных оставили прибыт., а я, как с начальной буквой «А», попал первым в 102 див[изию]. Так, значит, еще не всё кончилось, еще пока найдут дивизию и полк, Господи!!!

Едем! Нашел товарищей будущих в 102 див[изии], и едем завтра на поиски дивизии. Вечером, встретив Савельева и Иванова, пошли в 269 бат[альон] брать аванс и только после долгих разговоров он дал на 5-х... 15 рублей, ой! Ой! До чего дошло! Ужас!

А есть хочется, живот так и подводит. Хорошо, Борис Иванович звал чай пить и угостил сыром, колбасой и даже пирожным. Но все-таки как же дальше, пока есть 3 руб., но это что, ведь как ничего?

12 июля 1916 г.

Еще вчера вечером нас компания человек в 30 согласилась ехать сегодня вместе. Я, придя вчера вечером в гостиницу, застал одного Шумкова, который так и не обедал сегодня, а Мацута и Мальнов уехали в 266 бат[альон] к товарищам занимать, т. к. там выдали походно-порционные по 75 руб. А нам нигде ничего не дают. Долго он чертыхался и плевался, узнав, что я получил только 3 руб. и завтра уеду. Не хочется ему оставаться здесь, т. к. всех нашего полка, кроме них троих, отправляют дальше. Пописав немного дневник, я тоже улегся спать. А тех еще так и нет.

В 6 час. утра пришел на ночлег Лысенко, шатавшийся всю ночь с сестрой, а те так и не являются.

В 11 час. мы, попив чаю, хотели уходить, но пришел Мальнов, посидели, поговорили и вспомнили про счет, который предъявил хозяин, — на 16 руб. 50 коп., а у нас всего 2 р. 80 коп. Я заявил, что за самовар и постель заплачу 1 руб., а за квартиру пусть идет к коменданту, хотя хозяин и хозяйка долго спорили с нами, говоря, что комендант им не платит. Но я все-таки, не имея совсем денег, не мог заплатить свою долю, так и выехал, скорее вышел, забрав свои манатки, на вокзал. Хорошо, что хоть нога немного прошла, а то совсем бы дело ко-рявое было.

<...>

Бродя по вокзалу, я раздумывали и советовался с этим прапор[щиком], закусить здесь или нет, т. к. денег оставалось всего 1 руб. 35 коп., и все-таки не выдержал и заказал одно 2-е блюдо, иначе бы, наверное, набросился на хлеб, стоящий на столе. Прибежал Мацута, взял вещи с храпением, он говорит, что я должен заплатить, но я отказался от такой мысли. Смотрю, он через 15 мин. является и говорит — тоже еду, тоже

форменным образом, как и я, сбежал с гостиницы, а тем, бедным, придется расхлебывать всю кашу.

<...>

Луцк — город довольно обширный, и здания в нем, за исключением очень немногих, и то на окраинах, остались все целы; жителей сравнительно немного, но всё же есть и исключительно жида, которые оставались здесь во время австрийского владения городом. Время от времени появляются австрийские аэропланы — обстреливать город. Были на питательном пункте — т.е. в товарном вагоне, приспособленном в столовую. Там нас бесплатно покормили обедом и чаем. Расписались в книге посетителей, я написал: «Обедал и нашел всё в исправности. Пр[апорщик] Ананьев». В этой книге попадаются такие надписи, что тошно делается. Подождав с 12 час. дня до 6-ти часов вечера, мы наконец получили долгожданные подводы для отъезда в штаб дивизии. Сначала ехали все вместе — 10 подвод, но уже когда совсем стемнело, мы, 102 дивизия, очутились одни. Остальные 7 подвод исчезли. Стало уже совсем темно около 12 ночи. Попали на этапного коменданта и узнали, что поехали совершенно в другую сторону... Вот так фунт, это значит, ночевать в телеге... Кстати, здесь нашлось помещение для проезжающих офицеров, и мы остановились там ночевать...

Попали мы сюда из-за артил[лерийского] поручика, который будто бы знал дорогу и велел ехать прямо. Действительно, он попал, куда ему было нужно, а мы залетели черт знает куда. По шоссе всю ночь мчались автомобили, ехали обозы, транспорты, грохот стоял неимоверный.

14 июля 1916 г.

Встал около 10 час. Напившись, мы отправились на поиски дивизии. Нашли мы дивизию только в 11 час. вечера, в какой-то несчастной Марииновке, из-за которой блуждали целый день. Около часу дня захотелось есть до ужаса, хотели взять у солдат хлеба и хоть им закусить, но, скрепя сердце, поехали дальше, около 3-х час. дня нечаянно наскочили на штаб корпуса, здесь еще от нас отстало 2-е — назначили в 125-ю дивизию.

Напились чаю — поехали дальше, почти у каждого спрашивая, где дер. Марииновка. Местность красивая, и если бы не война, очень хорошо бы здесь жилось. Поля все кругом засеяны, и хлеб очень хороший. Везде по лесам стоят отряды кавалерии. Вдали слышна канонада. По небу разбросаны наблюдающие аэростаты, вдали в виде точек виднеются аэростаты противника. В пролетающие аэропланы наша артиллерия пускает снаряды, но, очевидно, безрезультатно — т.к. аэроплан

продолжает лететь, держится на большой высоте. На пути закусили в передовом лазарете <...>. Уже начало темнеть, а мы в самом веселом расположении духа, посмеиваясь над войной. Всё еще не можем найти дивизии. Наконец, спросив толкового писаря, узнали, что штаб дивизии недалеко, и поехали по верному направлению, и только, по пути заехав в 405-й полк, в 11 час. попали в 102-ю дивизию. Там нас устроили на ночлег в халупу, и несмотря на мчавшиеся по дороге зарядные ящики, обозы с понтонными местами и пр., мы скоро заснули блаженным сном.

15 июля 1916 г.

Проснулись под дребезжание стекол и дрожание земли от гула канонады, т. к. штаб дивизии [находится] всего в 3-х вер. от передовых позиций. Умывшись, хотели идти пить чай в оф[ицерское] собрание, но задержались, глядя на шесть австрийских аэропланов, бросавших бомбы и стреляющих по всем направлениям... Солдаты совершенно спокойно относились к происходившему. Я выходил из халупы с товарищами, надевал снаряжение, и вдруг смотрю — солдаты бегут, кричат. Товарищи слились с солдатами. Над головой послышалось жужжание снарядов, и вблизи начали рваться снаряды. Поднялась суматоха, солдаты бегут, некоторые попадали в ужасе на землю, бледные, прижимались к стенам зданий, а снаряды рвутся рядом. Вот уже бегут раненые, один упал, раненый осколком в грудь, и молит о помощи, но никто не обращает внимания, все полны желания спасти собственную шкуру и мечутся на всех направлениях. Я догадался, что обстреливают штаб дивизии с точнейшим попаданием. Снаряды рвались везде, и в халупах, и у палаток, и угодили прямо в дивизионную канцелярию, убив наповал работавших трех писарей, четырех телефонистов и дивизионного казначея. Один писарь побежал в лес, но и тут его достало и тяжело ранило. Я, слыша над собою жужжание снарядов и разрывы по всем сторонам, не знал, куда идти, и решил искать товарищей. На ходу застегивая снаряжение, я шел, спрашивая у перетрусивших солдат о товарищах, но никто их не видел. Вперед я наклонялся, слышав снаряды, но потом решил, что это бесполезно. Пошел в халупу, но подумал — еще задавит, и пошел бродить. Вот уже и раненые, некоторые бегут, а кровь течет из спины, у другого — из головы, некоторые уже лежали, истекая кровью. Смотрю, за деревом вместе с солдатами бледный и дрожащий прячется кавалерийский поручик. Я уже решил, что везде достанет, и потому шел куда глаза глядят, зашел в канцелярию,

оттуда телеграфируют: «Сейчас разорвался снаряд и убил 8 чел.». Перепугав и переполошив всех с ½ часа, обстрел прекратился, наделав раненых и убитых около 15 чел. Самое скверное впечатление — это суматоха, беготня, трусость, не только солдат, но и офицеров. Но Слава Богу! Первое боевое крещение обошлось благополучно и я остался цел, хотя в 2-х саж. от меня нашел неразорвавшийся снаряд. Как видно, наши войска наступают, канонада поднялась невероятная. Говорят, 40-й корпус прорвал линию окопа противника. Около 12 час. дня нам подали подводу, и мы уехали из дивизии, получив предписание в учебный батальон — в тыл за 25 верст. По правде сказать, вздохнули посвободнее...

В 2 часа дня приехали в уч[ебный] бат[альон], есть хочется до ужаса, а денег нет. Но здесь нас накормили и напоили. Отсюда происходит пополнение офицерами и солдатами дивизии. Батальон стоит в лесу в палатках, а гг. офицеры и должностные учреждения помещаются в халупах. Офицерское собрание в избе, выкрашенной внутри мелом и черными линиями в виде обоев. В собрании нужно предъявлять талоны для обеда и ужина, которые приобретались за 50 коп. у официанта, но у вновь прибывших, также и у меня, нет ни копейки денег, и мы, естественно, ничего не платим, а только записываемся.

Местность кругом очень дивная: леса, полные зелени, поля, засеянные наилучшим хлебом.

Мы устроились в халупе — 8 чел. — без окон и дверей, но устроились так хорошо, что лучшего здесь желать нельзя.

16 июля 1916 г.

Занятия идут здесь так же, как и во всех запасных батальонах. Мы еще на занятиях не были и не собираемся, а ждем ежеминутно назначения на фронт. 7 чел. сегодня уехало в 407-й Саранский полк, наверное, скоро и наша очередь.

18 июля 1916 г.

Утром нас разбудила трескотня пулеметов и гул орудий: это наши обстреливали неприятельский аэроплан, который летел очень низко и обстреливал нашу деревню. Скоро его прогнали из расположения части.

Получили записку от батальонного, прапор[щика] Семенова, с предложением явиться на занятия — назначен в 3-ю роту, но на

занятия вечером не ходил, т. к. нога всё еще продолжает болеть. Надо сказать, что этот самый Семенов очень жестокий человек по отношению к солдатам, бьет их по лицу без всякого стеснения и жалости, не только рукой, но и палкой. Все солдаты отзываются о нем, как о чем-то ужасном, и боятся его хуже, по их словам, снарядов. Я не понимаю такого жестокого обращения с людьми, которые не сегодня-завтра вступят в бой с врагом и будут ранены и даже убиты¹⁰; хотя говорят, что он был выводным в тюрьме, тогда всё понятно, он еще до сих пор не может очухаться от тюремной атмосферы, перенес ее оттуда — сюда.

Днем насобирали грибов, а вечером нам их сжарили в офицерской кухне и мы их с величайшим наслаждением уничтожили, хотя и без сметаны, которой здесь ни за какие деньги не достать.

Сегодня что-то целый день канонада не переставала гудеть, и загнули мы под ее пение.

* * *

Сегодня проезжала партия в 106 офицеров, назначенных на фронт. Остановившись, пили чай у нас в собрании. Встретил двух прапорщиков, бывших старших юнкеров моей 1 роты. Здесь тоже находятся два Владимировых, которые чуть не каждый день вспоминают училище. И действительно, если перенестись туда — сколько нахлынет воспоминаний. Вот я еще козорогом хвостатым хожу с Вишняковым, товарищем по Капелле, и рассуждаю о предстоящей первой репетиции по Внутреннему уставу, с робостью поглядывая на старших юнкеров. Репетировал гв[ардии] шт[абс]-кап[итан] Скурядин, мы все дрожали, хотя были и 35-летние дяди, точно перед последним днем мира. Ах! Как я боялся его небрежно одетой фигуры и что-то постоянно выпячивавшей. Баллы ставит худые, 2-м уже поставил по 5 (у нас была 12-балльная система). Наконец моя очередь, вперед отвечал хорошо, но дальше он меня начал путать и у меня вся душа ушла в пятки, даже

¹⁰ Подобное отношение офицеров к нижним чинам, как видно, не редкость. Например, прапорщик Соловьев в дневнике описывает случай, произошедший в Скобелевских лагерях летом 1915 г.: «Один из командиров, проходя своей ротой, заметил, что один из ратников не взял сразу руки под козырек, ударил его по лицу плеткой. Тогда один из солдат сказал командиру: “Как смеешь бить нас, отправляющихся проливать кровь?”. Офицер ответил на это заступившемуся тоже ударом. Тогда человек с пятьдесят набросились на своего ротного и начали его избивать». См.: Дневник прапорщика Ивана Соловьева. Действующая армия 1914–1915 г. [Б. м.], 2005. С. 33.

ноги задрожали... Слышу его голос: «Нет, так нельзя знать устав, прежде чем ложиться спать, всегда надо читать устав, садитесь!». По окончании репетиции я узнал, что мне — 4. Это меня так взволновало, что я не знал, куда деться с тоски, думал, что всё пропало. На строевых занятиях, глядя на снаряжение подпоручика Матвеева, я думал: «Вот! За каждым крючком и ремешком торчат разные уставы и учебники, и придется ли мне надеть такое снаряжение с офицерскими погонами». 1-го февраля был выпуск юнкеров старшего курса. Они, счастливые и довольные, разъезжались по домам, а мы смотрели и думали: «Скоро и мы так...».

Дисциплина невероятная, каждое малейшее шевеление каралось винтовкой и арестом. Перед офицером вытянешься и стоишь как каменный. Про возражения мы и не имели права думать. На улице в январе и феврале иногда стоят сильные морозы, а курсовой офицер подпоручик Матвеев объясняет, увлекшись, что-нибудь, вероятно, забыв про то, что у нас ноги примерзли и уши остыли, и весь дрожишь — думаешь: «Нет, не выдержу такой пытки». Только продолжительная маршировка и топтание на месте во время долгожданного «Оправиться! Можно курить!», [тогда] ноги немного отходят. Первые дни так и думал, что не выдержу, но ничего. Почти всегда в сильный мороз ползли в голову такие думы, но им наперерез: «Ничего не будет, уже не раз было это и всегда проходило благополучно». Иногда из носу течет, и ты не имеешь права и гримасы скорчить, пока не раздастся команда «оправиться!». Так с 8 утра, а утром, как только заслышишь сигнал, — как бешеный срываешься с постели и «пулей» одеваешься, умываешься и на утренний осмотр, который продолжался до самого последнего дня. До 12-ти идут разные строевые занятия, а с 4 до 8-ми лекции, в промежутке до 1 ½ дня обед и отдых, который идет или на зубреж, или в свободное время на юнкерское собрание, где собираются жаждущие отвести душу или просто попить чая и закусить как следует, особенно вечером, — тогда свободный столик и не найти, здесь же и лавочка со сладостями, чаем и бутербродами. Мало все-таки приходилось посидеть в собрании, иногда стрельба из пулеметов, съемки и фотофиксационные работы не позволяли этого сделать. И почти всегда на последнем часе лекций так клонит ко сну, что стараешься, ширишь глаза, смотришь на преподавателя и начинаешь дремать, и так почти все. Преподаватели знают, что мы устаем за день, и, конечно, прощают нам это, хотя на Военной Гигиене и Администрации юнкера на задних скамейках бесцеремонно спят... И первые дни только и дожидаясь, когда

можно улечься спать, ибо только в кровати находишь покой, но и то не всегда, ведь одежду у нас складываются «квадратиком», т. е. по очереди ремень, гимнастерка, брюки, кальсоны и носки в квадратном порядке одно на другом, и чтобы был действительно «квадратик», а то бесцеремонно будят и заставляют переделывать, предварительно всё разбросав...

Бывали и такие офицеры, для которых особенно стараешься складывать «квадрат». Такая же аккуратность должна быть во всем, если пуговицы или сапоги, хотя чистишь не сам, не вычищены или вычищены плохо, получаешь «под винтовку» или арест. Винтовки должны блестеть на «ять» (любимая поговорка юнкеров). А если что-нибудь сделаешь плохо, т. е. «сошляпишь», то не только юнкера, но и гг. офицеры не скажут: «Как Вы плохо делаете», а «Как Вы коряво делаете». Или только встанешь, слышишь: «Пулей на утренний осмотр», после — «пулей на чай», затем — «пулей» на занятия и т. д., и всё «пулей», т. е. лети как пуля. Эх! Иногда всё проклинаешь на свете — не хочется идти на мороз — на занятие, но ничего не сделаешь и идешь. Иногда рассыплешься в цепь, и приходится по пояс сидеть в снегу... пока не раздастся новая команда.

Курсовым офицером у нас был георгиевский кав[алер] шт[абс]-кап[итан] Прогнаевский, но он на занятиях почти не был, а в начале недели с 3 был подпоручик Смирнов и Колпинский, которые уехали на позиции, и весь курс с нами провел подпоручик Матвеев, которого и можно назвать нашим учителем, и прапорщик Лаский. Матвеев — строевик, гимнаст, не позволяющий никаких шевелений в строю, вообще строгий офицер, но и как человек тоже симпатичный. Может быть, даже и лучше, но ведь отношения нач[альни]ка и подчиненного нельзя нарушать, и потому, может быть, многие офицеры училища казались нам плохими в мундирах, а внутренне были совершенно другие, но ведь нам почти всегда приходилось сталкиваться лишь с мундирами, т. к. лишних разговоров почти не позволялось. Хотя уже в конце курса мы вели себя гораздо свободнее, позволяли даже и улыбаться в строю и пр., и сходило.

Прапорщик Лаский — только что окончивший училище офицер (янк[арский] вып[уск]), почти постоянно улыбающийся. Всегда, когда здоровался, непременно улыбался, мы, конечно, тоже отвечали этим же. Наказаний почти не применял. В общем, очень симпатичный человек, но, опять же, почти не вылезавший из мундира. Действительно, подпор[учик] Матв. сказал: «Отношения между нач[альника]ми

и подчин[енны]ми никогда не понять подчин[енно]му, нач[альни]к никогда не покажет, каковы его отношения к нему».

Подпор[учик] Матв. очень любил маршировку, только и кричит: «Смирно! Равнение направо! Ногу выше! Ногу выше! Не слышу! Тверже ногу! Голову повыше! Ногу выше!» и т. д. И действительно научил нас ходить.

Шт[абс]-кап[итан] Прогнаевский — мы его так мало знаем, что почти ничего нельзя сказать. Действительно, можно сказать, что он, как только приехал, хотел ввести железную дисциплину в классы, не позволял шелохнуться, мигом «под винтовку». Объяснял довольно вяло, вообще не годится для военного училища.

Гвардии капитан Тарасенко — мой ротный ком[анди]р, действительно офицер, не терпящий никаких, самых малейших упущений, и Боже сохрани от возражений, за возражения дыхнуть не даст... Он обыкновенно говорит: «Как только юнкера начинают курс, я даю себе слово, что буду жить с ними хорошо, без взысканий, но в конце курса обыкновенно, видя апатию к занятиям, — начинаешь “греть”», и невероятно, за каждый пустяк «пять-тридцать» (пять суток ареста и месяц без отпуска), и так и сыпется на головы бедных юнкеров. Его «дух» играл в взысканиях громадную роль, так, например, я, в будни отпущенный до 3 ³/₄, явился в 4 часа. На лекции, когда пришел Тарасенко, он преподавал тактику, фельдфебель (порядочная мразь) доложил про меня. Я сижу ни живой ни мертвый, за это полагается 3-й разряд по поведению и выпуск ун[тер]-офицером из училища, если не выйдешь из этого разряда. Наконец спрашивает, не был ли я еще где-нибудь, кроме Аничкова дворца, говорю: «Никак нет». Фельдфебель спрашивает насчет взыскания, а он заявляет: «Он и так наказан, не был на полднике», и под улыбки юнкеров начал читать лекцию, действительно, я отделался очень хорошо, без всяких взысканий. А на следующий день опоздал на 5 мин. юнкер Васильев, так Тарасенко говорит: «Ну что ж, дадим или 5–30, или 3-й разряд». Каково?! Правда, «грел» не только юнкеров, но и офицеров еще хуже, чем нас. Иногда начнет форменным образом ругать Матвеева, но на того особенного впечатления это не производило, а вот подпор[учик] Смирнов его трусил — даже до страшного. Тарасенко никого не стеснялся и взгрел даже Прогнаевского, которому это очень не понравилось. Но на лекциях частенько смешил нас разными рассказами и, между прочим, очень любил всегда прибавлять: «с этим надо считаться», сам того не замечая, юнкера обыкновенно при этих словах улыбались.

А старший врач училища статский советник <...> очень любил говорить: «а что касается этого-то», некоторые юнкера даже смеялись. На его лекциях обыкновенно спали...

Гвард[ии] полковник Максимов¹¹ — наводил на всех нечто вроде ужаса, с Вильгельмовскими усами, гремя шпорами, он, входя в класс, бросал: «Здравствуйте, господа» и начинал строго обводить глазами зазевавшихся юнкеров, но его все хорошо знали, и потому таких он редко находил.

Гвард[ии] полковник Цабель¹² — дивный человек, просто прелесть, о нем у меня и почти у всех юнкеров остались наилучшие воспоминания. Хотя он был и батальон[ный] ком[анди]р, но никому не дал ни одного взыскания и почти не делал замечаний. Душа-человек — никогда не возвысит даже голоса, всё спокойно и уравновешенно. Благодаря ему я попал в училище и никогда не забуду его.

Но в противоположность ему самые скверные воспоминания остались о гв[ардейском] шт[абс]-кап[итане] Скуридине. Его худой, небрежной фигуры никогда не забыть. 2 раза он меня репетировал, и оба раза ставил неудовлетвор[ительные] баллы, и последний крайне несправедливо, вот уж действительно «Скурыда».

За 2 дня до выпуска Тарасенко принял 1-й батальон, но для нас остался таким же «ротным». Нашего Тарасенко всё училище знает, даже и другой батальон, как престроного офицера, но в общем он довольно милый человек, не бездушный во всяком случае, как многие думают.

<...>

21 июля 1916 г.

Сегодня я проснулся час. в 12 ночи и долго не мог заснуть. Слышу, как везде в деревнях, крики петуха — единственного петуха не только в деревне, а, может быть, и в уезде, и как-то одиноко, жалостно и жутко слышать этот крик под треск выстрелов, несущихся с позиций, и что-то крадется в душу, в самую глубину... Мерещатся разные ужасы войны... Но сон одолевает, и опять уносишься далеко от «этого».

¹¹ Возможно, имеется в виду А. М. Максимов (1876–1924) — помощник инспектора классов Владимирского пехотного училища.

¹² Вероятно, речь идет о К. А. Цабеле (1873–1955) — участник русско-японской войны, с 1911 г. батальонный командир Владимирского пехотного училища.

Нога всё еще не проходит, подал рапорт о болезни и прошел в приказ. Говорят, завтра будет назначение офицеров на фронт, спешу подать рапорт о выздоровлении, ибо я могу остаться, а товарищи уехать. Чего доброго, еще не назначат.

<...>

23 июля 1916 г.

Оказывается, интересный тип проживает в офицерском собрании — солдат 18 лет, официант под именем «Савелий», как величают его все офицеры. Он раньше, т. е. до войны, занимал такую же должность в частной гостинице, и вот в эту гостиницу заехал и остановился генерал Микулин, известный в боях на Юго-Зап[адном] фронте, но теперь, к великому сожалению, убитый неприятельским снарядом. Он проживал инкогнито в статском платье и производил ревизию. Однажды он проигрался в карты, занял у этого «Савелия» 100 руб. и уехал. «Савелий» в скором времени получил по почте от него 150 руб.

Вот началась война, «Савелия» забрали, и он попал в дивизию генерала Микулина¹³. Однажды на смотре, где был и «Савелий», и ген. Микулин, он, генерал, объезжая войска, заметил знакомую физиономию «Савелия», приказал выйти из строя и говорит: «Узнаешь меня?». Тот посмотрел и говорит: «Узнаю! Вы изволите быть генерал Микулин», тот его похвалил и оставил при собрании в учебном полку и приказал его не брать отсюда. Здесь он до сих пор и подвизается, и сегодня посвятил нас в эту историю.

Получаем каждый день австрийские сигары.

28 июля 1916 г.

До сих пор, с 8-го июля, не имею ни копейки денег; чай утром приходится пить с черным хлебом, да и вообще в солдатской лавочке есть много того, чего бы я с удовольствием поел. Сегодня офицеры 405 полка получили аванс от казначея, вечером я тоже сходил к нему и получил 75 руб., сразу же отправился в лавочку и накупил всякой всячины. Здесь можно найти всё что угодно, и лучшее печенье, и одеколон, папиросы, консервы и пр. и пр. <...> Настроение у всех отъезжающих приподнятое, только и слышатся слова: «Едем прямо в бой», «Может быть,

¹³ Микулин И. А. (1863–1916) — командующий 102-й пехотной дивизией. Убит в мае 1916 г. в бою.

убьют», «Может быть, и получим кое-что». Эх! Как обидно отставать от товарищей, с которыми приехали сюда и думали попасть на позицию, кажется, так бы и бросился собирать свои вещи... Ругался я всячески и даже чертыхался, но назначение переделать было нельзя, и пришлось остаться. Пошел проститься уже к привыкшей 3 роте, поговорил с ними, пожелал всего лучшего и ушел к канцелярии, где уже денщики укладывали вещи гг. офицеров. Немного пришлось поговорить на прощанье с друзьями; скоро подошли роты, подводы встали гуськом сзади рот, и мы, крепко расцеловавшись, разошлись в разные стороны...

...Грустно!.. и скучно... было в высшей степени, когда пришли в лапу и я увидел, что нас только трое... уж лучше бы и меня вместе с ними отправили...

29 июля 1916 г.

Занятий целый день не было, т. к. роты нет. Целый день слонялся... не знал, куда деться с тоски...

30 июля 1916 г.

Пришла рота пополнения, ее назначили 3-й, т. е. нашей, с ней приехал прапорщик Галицкий-Владимировский, человек очень симпатичный.

1 августа 1916 г.

После обеда узнали, что сегодня все переезжаем на другие места, т. е. наша дивизия продвинулась вперед. В 8 час. мы узнали это официально и начали собираться. Выступаем в 11 час. веч[ера], т. к. все переходы обыкновенно совершаются ночью, иначе противник днем может обстрелять нас. Сборы наши очень коротки, всё готово было через 10 мин. Тихо, бесшумно снялся с места учебный полк, и ровно в одиннадцать мы уже двинулись по дороге в направлении на дер. Кроватка, в которой мы должны были остановиться. Я шел, как и все остальные офицеры, с ротой, которая, пройдя 3 версты, потеряла всякий строй — шли толпой, да и действительно, невозможно навьюченному человеку идти всё время в ногу и равняться, уж на что нам, имея лишь на себе походное снаряжение, и то было тяжело идти. Через каждый час устраивался привал в 5–10 мин. и затем дальше. Идешь, идешь и дожидаясь, когда наконец привал, как только видишь, что передние ряды остановились — растилаешь где попало плащ и бухаешься на него, протянув ноги и блаженно закрыв глаза... но недолго приходится нежиться, издали

слышишь: «Вставай! Вперед!», быстро вскакиваешь и начинаешь будить уже успевших заснуть солдат... встают, надевают скатки, вещевые мешки и без лишних разговоров двигаются дальше... На одном из привалов один молодой солдат мирно себе спал, я, проходя роту, заметил его, он лежал совсем в стороне — раскинув руки, около лежала винтовка, роты уже прошли, тянулся обоз, я взял его винтовку и догнал роту, приказал его разбудить, вижу — заметался, ищет винтовку, но успокоился, когда будивший сказал ему, что он от меня, немного поругав, отдал я ему его винтовку. Шли уже по знакомой мне дороге, я уже знал заранее, где расположены окопы и проволочные заграждения, сделанные на случай отступления... окопы сделаны очень хорошо и на удобных позициях.

Пришли в дер. Кроватку в 5 час. утра, нашли себе халупу и, не раздеваясь, легли спать, но спали недолго и в 9 час. уже были на ногах.

2 августа 1916 г.

Получил полевые деньги, купил необходимой провизии и белья (2 пары). Говорят, что отсюда уйдем скоро, т.к. неудобная деревня. Устроились здесь хорошо, в халупе с окном и дверьми и даже хозяином с хозяйкой. Вообще вся деревня цела и жители почти все. Здесь находится отделение Гвард[ейского] Эконом[ического] общества, где мы достали вина по 3,25 бутылка, конечно, пили, но не напивались.

<...>

3 августа 1916 г.

Сегодня утром нас обстрелял аэроплан противника, но никакого ущерба не нанес. Переходим в дер. Большие Березолупы; учебная команда уже ушла, мы опять собрались, хотя жаль покидать хорошую халупу, но ничего не поделаешь. Пошли к собранию, там с Баландиным подсели играть в карты и оба проигрались дотла... 65 руб. Жаль было, но, очевидно, уж такова судьба этих денег.

<...>

5 августа 1916 г.

Обнаружил у себя еще 3,50 денег, значит, до 20-го еще жить можно. Здесь уже канонада слышна очень хорошо. Ночью кругом светятся ракеты, блестят прожекторы. Сегодня ночью была сильнейшая канонада, прямо сплошной гул. Как потом узнали, наступали немцы и была артиллерийская дуэль, вперед они продвинулись на 5 вер., но затем наши отогнали их назад.

Доктор привез граммофон, и мы страшно обрадовались единственному порядочному музыкальному инструменту. И теперь каждый день приходим на 1–2 часа раньше, чтобы послушать граммоф[он].

11 августа 1916 г.

Пришел после обеда и сел в недоумении на кровать: что делать? Чем заняться? Роты нет, следовательно, занятий тоже нет, читать нечего, если идти гулять, то куда? Правда, местность красивая, но ведь разоренная, везде стоят разбитые халупы, лишь изредка найдешь уцелевшую хату с жителями. Вчера ходили осматривать местность, особенно хорошо укреплена позиция на горе близ дер. Большие Березолупы, где «Господский двор». С самой деревни и до горки тянутся линии окопов и проволочных заграждений, но самое лучшее место — это сама горка, внизу 2 ряда проволоч[ных] заграждений, затем окопы, дальше выше сделаны прямо укрепления — окопы высотой с 4 сажени, с деревянными бойницами внизу, подземные ходы — галереи, ведущие неизвестно куда. Здесь устроен наблюдательный пункт на дубу с лестницами и площадками — замечательный отсюда вид. Ходы идут в землю сажен на 5 вниз, вероятно, для сохранения запаса патронов. От Господского дома остались лишь следы, и видно, что был когда-то шикарный домик, аллеи, цветники, сады, всё потеряло свой настоящий вид, но все-таки еще видно старательно посаженные деревья и пр.

13 августа 1916 г.

Каждый день встаешь часов в 10–11 утра, спишь лишь с той целью, что всё равно будешь мотаться, не зная, куда деться с тоски. Ильтубский, ходя за обедом, принес нам слух о том, что сегодня едут 24 офицера. Интересно, попаду ли я? Сразу же я задал такой вопрос, мне уже давно нужно уехать отсюда, все товарищи уже уехали. Оказалось, что еду. Мне, по правде сказать, было всё равно: «Ехать так ехать, оставаться так оставаться». Быстро собрали вещи и уселись пить чай. Кстати, я, как будто предчувствуя, заранее сделал опись имущества и уложил всё как следует, а оно, оказывается, и пригодилось. Простился с Баландиным, отправился к канцелярии, где должны были собраться все. Наши вещи принесли сюда же. Часов в 6 вечера мы, распрощавшись с товарищами, уехали в штаб 102 дивизии. В штаб дивизии попали засветло. Явились к коменданту, теперь у нас явился вопрос: кто будет назначен в какой полк? Комендант говорит: «Вы, господа, решите сами», но почти все имели сильное желание попасть в 405 и 6 полки, т.к. они считаются

почему-то лучшими, и суют ему свои предписания, но в 5 и 6 полки нужно лишь 8 чел., а хотят все, тогда он предложил жребий. Я, как хотел, и попал в 405 Львовский полк. Все остались довольны, т. к. разговоров теперь не должно быть. Пока писали предписания, я поиграл на разбитом и расстроенном рояле. Подводы разделились, каждый собирался в свой полк. В 9 час. веч[ера] мы, получив каждый в свой полк предписания, расцеловавшись, разъехались в разные стороны. Вот и наши 2 подводы, получив проводника, тронулись в полк. Наш полк сейчас находится в бою, но завтра ночью сменится и отойдет в резерв, на отдых. Стало совсем уже темно, весь наш путь освещали ракетами и прожекторами. Какое-то иное чувство, не то боязнь смерти, не то что-то другое, закрадывается в душу... Да, здесь жизнь ничто, сейчас ты существуешь, говоришь, рассуждаешь, а через 5 мин. тебя нет, и всё это отлично понимаешь и ежеминутно ожидаешь, и так привык к таким мыслям, что иногда прямо-таки всё равно, жить или умереть. Но иногда, да, верно, подумаешь, ведь я так мало жил, почти не видел жизни и не знал ее, и так, так хочется еще жить и наслаждаться жизнью, но наряду с этим чувствуешь, на что и куда идешь, и готов отдать свою жизнь, как уже многие отдали ее...

Эх! Если бы узнать, что будет со мною через 2–3 месяца, быть может, и не будет на белом свете...

14 августа 1916 г.

Сегодня в противоположность вчерашнему как-то скорей, скорей хочется в окопы, узнать всю эту жизнь, пожить ею. Да! Что-то будет?

Вчера час. в 11 веч[ера] приехали в канцелярию полка, пока остановились здесь. Штаб полка на позиции. Нам приказано находиться в обозе 1-го разряда, который тоже здесь же, пристроился в небольшом леску. Переночевали в халупе, спали плохо, твердо, и страшно кусаются мухи.

Ходили осматривать местность — красивая, дер. Доросино почти цела, и жители все на местах. Осматривали нашу недавнюю позицию, окопы скверны, маленькие, глубоко делать нельзя, т. к. болота, почти вся площадь изрыта воронками от снарядов. Вообще вся наша позиция и все наши действия происходят на болоте, грязь, сырость, особенно в скверную погоду, совсем скверно. Много и наших, и «его» солдат погибло в этих болотах. Некоторые прямо живыми вязли... Здесь же находится церковь, как раз была служба, мы постояли немного, затем пошли домой. Интересно, у входа в церковь стоит разбитое дерево, и если бы не оно, то снаряд здорово бы разбил церковь, но попал в дерево, и лишь

осколки попали в двери и стену. Кругом церкви братские могилы павших гвардейцев (Павловского полка) и других частей.

Очень хорошо пообедали в офицерской кухне, в противоположность учебному бат., где всего давали лишь понюхать, а на 1-е всегда одна водичка. Сегодня с прапорщ[иком] Романовым устроились спать в леску, где стоит обоз у стога с сеном, денщики натянули свои палатки, подложили сена, и мы, довольные, залегли спать и очень быстро заснули.

15 августа 1916 г.

Спали очень хорошо. Встали в 9 час. Решили ехать сегодня в полк, он уже на отдыхе. Заказали в обозе 2 подводы, поедем вечером час. в 7, т. к. днем они здорово обстреливают. Выехали в 6 час., было еще светло, но мы решили ехать, без всяких вещей уселись на одной подводе 6 чел. и тронулись. Вместе с нами на лошадях верхом ехала компания подпоручиков, здорово подвыпившая, всю дорогу валяли дурака, хотели свалить друг друга с лошади. Встретили по пути казначея, и наша компания под дождиком начала получать деньги. Хотели ехать прямо, но узнали, что там лишь заметят — начинают обстреливать, потащились по сквернейшей, грязнейшей по случаю дождя дороге, телега, как пьяная, шаталась из стороны в сторону, но все-таки кое-как добрались до штаба полка, который помещался в халупе, сделанной из плетней. Через некоторое время мы, подтянувшись, лезли в небольшой блиндаж командира полка полковника Шаматова¹⁴, первое впечатление очень хорошее, простое отношение, добродушное лицо совсем не военного человека, а скорей помещика, который страшно заботится о своем хозяйстве. Действительно, его можно видеть с палочкой, без всякого оружия, осматривающим своих людей и хозяйство, и ничто не уйдет от его хозяйского взгляда, даже дерево, с которого солдаты содрали кору для топлива, несмотря на то, что рядом масса деревьев погибла под снарядами, масса перерублена для батареи. Вообще нахожу, что ему очень идет эта роль командира полка, как действительно заботившемуся о своих людях. Затем нас назначили по ротам — меня в 1-ю, обыкновенно здесь высоких назначают в 1 роту. Дали нам по вестовому, и в непроглядной тьме, то и дело попадая в ямы и невылазные лужи, мы брели каждый в свой батальон для представления ком[анди]ру бат[альона]. Слава Богу! Наконец у ком[анди]ра бат[альона]. Про него не могу ничего ска-

¹⁴ Шаматов Г. М. — полковник (с 1915 г.). Командир 405-го полка с мая 1916 г.

зять, т. к. его сразу не понять, какая-то двойственная натура. Осмотрел я его блиндаж и подумал: «Ну уж если ком[анди]р бат[альо]на в таком живет, то где же ротные ком[анди]ры?», блиндаж маленький, кругом торчит черная, сырая, болотистая земля, у входа грязища. Представились, поговорили, затем пошли к рот[ны]м командирам. Я взял вестового под руку, т. к. абсолютно ничего не видел в этой мгле.

Войдя в блиндаж ком[анди]ра роты, я представился ему по всей форме и встретился с прапорщ[иком] Рогачом, — с которым вместе ездили на поиски 102 дивизии. Они меня усадили, дали поесть и вообще приняли очень гостеприимно. У них уже блиндаж хороший, толстые бревна, под которыми сидим уже с более спокойной душой, торчат со всех сторон, видно, что блиндаж устроен саперами, и очень удачно. Мне уже устроили кровать на пустой койке. Побеседовали и час. в 12 улеглись спать; как ни жестко было спать на одном плаще и подложив под голову чемодан, но все-таки я через мин. 15 уже спал.

16–18 августа 1916 г.¹⁵

Сегодня первый раз увидел ту роту, с которой придется быть в окопах и вообще нести все тягости позиций. Первые дни как-то не запоминались лица, но теперь уже привык, вижу, что рота дружна, хотя и всего 101 чел. Вообще видно, что офицеры и солдаты полков, бывших на позиции, живут очень дружно — это, наверное, одинаковая опасность, боевая обстановка сближает людей. Наша батарея, которая обстреливает дер. Витонеж, стоит рядом, и притом германцы пускают снаряды к штабу дивизии, все эти звуки так отдаются в лесу, что первое время было жутковато, а теперь уже посмеиваешься, когда наверху запоют «его» снаряды. Правда, иногда его снаряды рвутся и здесь, но я уже теперь свыкся с мыслью «быть убитым или в лучшем случае раненым». Часов в 9 веч. я уже улегся спать, т. к. делать было нечего, вдруг узнаю, что сейчас наша рота идет на работу (ночную): подносить к позиции рогатки. Я быстро оделся, заглянул на улицу: погода, как назло, стала дождливая и непроглядная. Рота собралась, кое-как добрались в лесу до рогаток, там забрали их и гуськом тронулись к позиции. Несколько раз разрывались, останавливались, наконец, выйдя

¹⁵ С 28 (15) августа по 5 сентября (23 августа) полк находился в дивизионном резерве и был задействован на саперных работах. См.: РГВИА. Ф. 2954. Оп. 1. Д. 56. Л. 5 об.

на открытое место, проверили людей и пошли. Дорога грязная, хорошо хоть дождь перестал. Рогатки были тяжелые, а людей мало, очень устают нести, и почти через каждые 10 мин. останавливались, и мы шли с 10 час. до 3-х час. утра каких-нибудь 10–12 верст. По этой дороге днем ни один человек не покажется, т. к. немцы ее жестоко обстреливают, и вполне понятно, что эти кол. Аполония и Бабье не имеют никаких живых существ. Хоть с горем пополам, но всё же донесли рогатки до места. Отдохнув мин. 15, пошли назад и заблудились — взяли вправо, я вижу, что ракеты рвутся чуть не рядом и бомбомет работает, по полю кое-как добрались до нужной дороги и только в 6 час. утра пришли на свое место.

Совсем не думал, что здесь можно так хорошо обедать и ужинать, не хуже, чем в ресторане. Мы едим и помидоры, и свежие огурцы, и фрукты, и пирожки с мясом и яблоками, и мясное всё так хорошо изготовлено, что приходится удивляться.

19 августа 1916 г.

Сегодня в 4 час. дня все офицеры были собраны в штабе полка, там полк[овник] Шаматов прочел о наступлении 8-й армии, 407 полк должен занять Витонеж, с рассветом начнется артиллерийская подготовка, интересно, чем это кончится. Производил дознание, один рядовой запалом оторвал себе пальцы, и его, наверное, предадут полковому суду. Вообще неосторожное обращение солдат с запалами кончается очень плохо, многие отрывали себе пальцы. Некоторые делали это нарочно, чтобы избавиться от военной службы, но врачи устанавливали саморанение, и их предавали суду. Некоторых присудили к бессрочной каторге (по закону нужно было предать смертной казни, но свои офицеры пожалели их)¹⁶. Солдаты ухищрялись еще более: стреляли через шинель, через индивидуальный пакет, но всё равно попадались. Стреляли один в другого, но благодаря тому, что один нанес другому чересчур сильное ранение, тот его выдал, а другой его — и оба пошли под суд.

¹⁶ По закону расстрелом каралось самовредительство только вблизи неприятеля. Фронтное начальство могло применять и собственные меры. Например, осенью 1915 г. главный начальник снабжения Юго-Западного фронта генерал Эльснер приказал возвращать на фронт всех раненых в пальцы рук. См.: *Астахов А. Б. Указ. соч. С. 495–515.*

20 августа 1916 г.

Насчет наступления на Витонеж ничего не слышно, и на левом фланге весь день и ночь гудела артиллерия. Был на батарее, слишком громкий трескот, когда стреляют «батарейной очередью».

Весь день ждали казначея, и лишь когда я уже заснул, то он приехал, пришлось встать и идти, получил за 2 месяца 150 руб. Играли в карты, немного выиграл.

21 августа 1916 г.

Сегодня на рассвете одного рядового 11 роты предали смертной казни через расстреляние — за побег с военной службы.

Сегодня опять идем на ночные работы, но уже за окопы, вернусь ли?

В 11 час. веч., когда совсем стемнело, наша рота тихо, по 2-е, неся лестницы, вышла из опушки леса, где ждали наступления темноты. За линию окопов не пошли, а начали позади их в 30-х рыть ход сообщения. Ракеты то и дело взрывались почти рядом, слышались полные выстрелы, но вот послышался какой-то крик и вслед за ним ружейная, затем пулеметная и орудийная стрельба, это мне напомнило собачью драку: вперед твякнет одна, потом другая, затем соберется стая, а в заключение прибежит здоровая собачица, покрыв своим лаем всё. Скоро всё затихло, слышались крики: «Свои», мы продолжали работать, места сырые, холодные, вот уж где надолго сидеть. Через некоторое время они начали палить из миномета, мы попрятались за новоиспеченный ход. Наконец часа в 2 ночи тронулись в обратный путь, в лесу было так темно, что впереди идущего ротного я не мог разглядеть, а грязища, Боже мой! Ну прямо буквально вязнешь. Уже к самому свету добрались до своего места и, подзакусив, легли спать.

23 августа 1916 г.

«В окопах»

Сегодня нас собрали в 10 час. утра, и нам было объявлено, что наши полки выступают на смену 406-го полка. В 9 час. веч[ера] наша рота выступила, присоединившись к остальным ротам 1-го батальона. Взяли с собой только шинель, плащ и оружие. Гуськом, рота за ротой вышли из лесу. Тихо перешли по одному переправу и вступили в ход сообщения. Через некоторое время все остановились, меня вызвали вперед, т. к. я шел со своей полуротой, едва-едва протискавшись мимо солдат, я повернул в другой ход сообщения. Очутившись один,

я немножко заволновался и думаю: «Что если этот ход идет прямо к немцам», и невольно рука полезла за револьвером, но скоро увидел вправо ход и блиндаж, там нашел офицера-бомбометчика и узнал, что блиндаж ротных дальше. Скоро я и его нашел, ротный 15 роты 6-го полка, уже старый знакомый, сдавал ротное имущество нашему ротному, а в это время роты сменялись. Через ½ часа было сообщено, что их рота ушла, они распрощались и ушли, и мы остались хозяевами на боевом участке. Вышли в окоп; я заглянул в бойницу — ничего, кроме своих проволочных заграждений. Все солдаты стояли у бойниц и смотрели в темноту ночи. Впереди были заложены секреты. На левом фланге нашего уч[аст]ка пулеметная площадка, я вылез и прислушался — но ничего не услышал, а страшно хотелось услышать их разговор и т. п. Но, очевидно, окопы далеко, шагов за 400–450. Всю ночь ходил проверял солдат — не спят ли? Ничего, все бодро стоят. Обошел весь участок роты, на правом фланге не было окопа, и какая-то «китайская стена» выс[отой] с 1 ½ саж., а толщиной с ½ аршина, и, конечно, немцы ее разбили и посреди зияла здоровая дыра, а около валялись обломки навесов и блиндажей, попало миной. Через Стоход тянется высокий порожельный собирающийся упасть плетень, дальше переправа и район 16 роты. В общем, правый фланг укреплен коряво, надо чинить.

Когда уже рассвело, я ушел спать в блиндаж к бомб[ометчику]-офицеру и [положил] прямо под голову полевую сумку, сверху шинель и заснул крепким сном.

* * *

406 полк сменился неосторожно и шумно отходили частями на отдых, и их «хвосту» досталось. Немцы так и слали туда снаряды, ракеты то и дело светили, и даже сигнальные (зелен[ые]) поверх наших окопов, прямо фланговым огнем. Но всё обошлось благополучно.

24 августа 1916 г.

Проснулся часов в 10 ут[ра], с биноклем пошел обозреть позиции, из последних 3-х взводов «его» окопов не видно, а лишь кусты, рожь, свои заграждения и больше ничего, от 1-го вз[вода] видны его заграждения и окопы и дом полуразрушенный, когда-то имевший красивый вид, но теперь продырявленный нашими снарядами. Стоход такая речонка, что ее и не видно, скорей болото с небольшим мостиком. Почва песчаная, но сырая, и ночью холодно даже в шинели. Окопы попались неважные, без траверсов, так что фланговым огнем можно много погубить солдат. Почти весь день солдаты спали, лишь пообедали

да чай попили, только дневные наблюдатели у бойницы, а из-под закрытой видны лишь ноги, да слышится похрапывание. Некоторые, выспавшись, пишут письмо, а другие, устроившись где-нибудь в укромном уголку, нажаривают в карты. В хороший ясный день развешат под навесом белье, за окопом табак сушат. Под вечерок в дальних ходах сообщений варят добавочный ужин, картошку, груши и пр. Когда начинает темнеть, все становятся у своих бойниц и таращат глаза в темноту, вперед выставляются секреты — перед проволочным заграждением с гранатами и бомбами. Целую ночь сегодня ходил между солдат, остановишься, поговоришь, посидишь у них в блиндажах, пройдешься по окопу. Иногда на небе появится медленно летящая мина, красная с хвостом, точь-в-точь как комета, только слишком здорово рвется, и осколки так и запоют... Был в блиндаже ком[анди]ра роты, скучновато, разговор как-то не клеится, хочется спать... Из смежного блиндажика — телефониста — несутся гудки полевого телефона...

25–29 августа 1916 г.

Тоскливо сидеть и не иметь никаких вестей с Родины, и нечем отвести тоску, ни журналов, ни газет, ничего, только осколки заунывно поют да снаряды наверху посвистывают. Да! Сиди и жди, что авось снаряд прихлопнет, думаешь, увидишься ли еще с родными, с Марусенькой Шумиловой, к которой я всё больше и больше привязываюсь и действительно полюбил. Какое-то необъяснимое состояние! Ах! Если бы здесь была она?! Увижу ли я еще ее? Ведь здесь такое состояние, сейчас жив, а через мгновение и... тебя уже нет на белом свете... Не получил писем, кажется, что все забыли тебя. И аппетита почти нет, движения нет, развернуться негде, только ночью вылезешь из окопов и пройдешься, помотришь, как солдаты работают — строят себе блиндажи, или пойдешь к секретам, к проволочным заграждениям, слушаешь, как «он» работает, и, не пригибаясь, идешь от секрета к секрету, правда, иногда мелькнет мысль, что ведь может легко заметить и подстрелить, но «чему быть, тому не миновать». Иногда пойдешь вместе с солдатами за сеном, всё-таки промнешь ноги, а то ведь целый день сидишь в блиндаже, то пишешь или просто думаешь, и идти некуда, кругом обнаженные стены земли, а выше... если не хочешь жить, вылезай... <...> Приехал новый прапорщик Милютин, молодой, но трусливый, это заметили даже солдаты, так, в общем, симпатичный чел[овек]. Пришлось перейти на 1-ю полуроту, а уже привык ко 2-й, но нужно, как старому офицеру в роте. Часто ночью в 3-м взводе окружают меня солдатики и беседуем

обо всем понемногу, привык я к ним и уже знаю, что они тоже, недаром просили ком[анди]ра роты меня оставить на 2-й полур[оте]. Теперь я знаю, что если пойду в бой с ними, они не выдадут меня, помогут, если нужно будет. Сегодня всю ночь строили блиндажи и уже 7 шт. сделали. Сделали себе наблюдательный пункт, вид отсюда замечательный, «его» окопы — на ладони, придешь и смотришь себе в бинокль, но у «него» ни одна голова не высунется. Теперь только днем ношу ремень с кобурой, а ночью шинель и в карман «Наган», а шнур к петлице, а шашки вообще никто не носит.

Наш участок все-таки спокойный, мало обстреливаемый, но иногда и по нам начнет «садить», но всегда благополучно отделяемся, несколько раз разбивал «Китайскую стену» и ничего, целы.

Сегодня во время артиллерийского обстрела снаряд попал прямо по блиндажу, но, слава Богу, не разбил, лишь раскидал наверху бревна, да к счастью, меня там не было. Вообще нашей роте везет, несмотря на обстрел снарядами и минами, у нас пока ни одного убитого, ни одного раненого. Эх! Достается 13 и 16 ротам, там и окопы развернули, солдаты сидят в воронках... скверно, и потери каждый день убитыми и ранеными. В 6-й роте убило ком[анди]ра роты осколком, прапорщика Чернявского, жаль товарища, но... судьба, от которой никуда не убежишь... все мы готовы к этому... Сейчас живы... а сейчас... уже нет...¹⁷

30–31 августа 1916 г.

Наконец-то получил письмо из дому, как это приятно, какое удовольствие получить письмо с Родины! Написал ответ Лиде и маме. Весь день было тихо. Час в 12 я собрался спать, но что-то внутри говорило, что, вероятно, что-нибудь будет, так я и не мог заснуть, обойдя роту, часа в 3 я опять хотел уснуть, но не мог, говорю своему вестовому: «Что-то беспокойно мне, что-нибудь да будет». Минут через 15 «он» начал «крыть» тяжелыми снарядами по окопам, я оделся и пошел к ком[анди]ру роты, но стрельба усиливалась, и мы во избежание того, что можем быть убиты сразу все, разошлись по всем концам роты, я пошел в 3 вз[вод], и с взводным сели у бойницы в блиндажик. А стрельба превратилась в ураганище, теперь сыпалась и шрапнель. Было ясно, что

¹⁷ Весьма интересно, что 8 сентября (26 августа) нашими разведчиками был задержан некий нижний чин. Оказалось, что это был немец, который еще в 1914 г. попал в русский плен и пытался оттуда сбежать. См.: РГВИА. Ф. 2954. Оп. 1. Д. 56. Л. 6.

идет артиллерийская подготовка к наступлению. Мин. через 15 «он» начал бить по резерву. Вдруг по всему ротному участку раздалась частая ружейная стрельба, я выскочил из блиндажа, наши солдатики лупили вовсю, приказал бросать бомбы, трескотня поднялась невероятная, но и «он» бил по нам бомбами и снарядами, пошел в свою полуроту; выпустил из револьвера 1 пулю и бросил стрелять, начал ходить между солдатами и подбадривать. Огни так и блестят... шум... взрывы... оглушительные, кругом летят осколки и раскаленные куски железа, я взял у одного солдата бомбу в левую руку, в правую револьвер. Я чувствовал новое чувство, чувство безразличности ко всему, я начинал... звереть... ждал мимоходом из-за бруствера немца... и броситься вперед на... врагов, и беспощадно бить имеющимся оружием, наши солдаты по всему уч[аст]ку работали вовсю, бросали бомбы... Был несколько раз у пулеметчиков — они не стреляли, против них незаметно лез, приказал в случае чего вытащить пулемет на бруствер и стрелять, но ввиду того, что противник прекратил огонь и его не было видно и слышно, мы начали стрелять редко и к 6 ½ час. утра прекратили всякую стрельбу. Душа немного отошла, свое оружие спрятал в карманы и пошел к ком[анди]ру роты, он получил приказание выслать разведку, я собрал ротных разведчиков и вышел из окопов, имея в брюках бомбу и револьвер, даже без ремня, а шинель отдал солдату в окопе, подошли к заграждениям, Кривенцов, отделенный 1-го от[деления] 1 вз[вода], говорит: «Ваше благородие, там немец окопался». Я пошел смотреть, а другие солдаты кричат не идти, говорят: «Не ходите, бомбу бросит». Я полез, вдруг слышу из-под куста: «Паги! Паги! Помоги!». Вижу немца — вероятно, раненый, два наших молодца мигом через заграждение хватя его, но он не сопротивлялся. Около лежали 2 немецких винтовки, бомбы, немца перетащили через заграждение и в окоп, там его ком[анди]р роты, хорошо знающий немецкий язык, опросил, он всё рассказывал. Мы там нашли еще 2 винтовки и 10 гранат, 8 гранат лежали уже в 30 шагах от бруствера, они человек 5 перелезли через заграждения и уже мин. через 10 были бы в окопах, но мы сильным огнем отбили их, и они удрали, побросав винтовки, гранаты и своего раненого. Это, вероятно, лезла та же компания, что поколола 6 чел[овек] с офицером в 406 полку, но мы им задали перцу, будут помнить 1 роту 405 Львовского полка. Целый день он молчал, вероятно, очухивался от нашего огня: еще бы, била и 16 рота, и 2 рота, и наша артиллерия, и особенно постаралась наша рота — выпустила 7 тыс. 500 патронов и 25 шт. гранат. Только под вечер разрушил кусок «Китайской стены», но ночью его починили саперы, которые

рыли по моему плану и ход сообщения к полевому караулу, и место для часового и подчаска, теперь будем выставлять здесь полевой караул, обнесли всё это место рогатками, теперь сунься!!!

Сегодня ночью полковая разведка засела впереди за заграждениями, а у нас было заготовлено дежурное отделение на случай подмоги, я взял нарочно 1-е отд[еление] 3-го вз[вода], т. к. молодцы хорошие, можно надеяться, вооружили их бомбами, германскими. Но всё обошлось спокойно, а к утру саперы устроили и ход, и помещение в земле. А наш секрет ставил рогатки.

2 сентября 1916 г.

Сегодня наш полк должен был смениться, но вместо этого пошли слухи, что будем наступать, я вперед не придавал значения, а когда ком[андир] роты, взволнованный, мне сказал: «Наверное, будем наступать», это меня уже покорило.

В 11 час. меня из роты вызвал ротный ком[андир] и прочитал приказ 8 армии — наступать с рассветом. 39 корпусу занять выжидательное положение. 405 полку пока ожидать, а 4 батальону командой гренадер и подрывников произвести в 2 часа 3-го августа разрушение проволочных заграждений прот[ивни]ка. Видно, что он, читая, сильно волновался, но я немного успокоился. Придя в свою полуроту, я собрал взводных и отделенных и сообщил им эту новость, а они все думали, что будем сменяться. Послышались глубокие вздохи, слова «что Бог даст» и др. Я увидел устремленные на меня взволнованные глаза, но их среди этого неприятного разговора немножко и смешил, и они, уже спокойные, разошлись по своим людям. Да! Солдату весть о наступлении — нож в сердце, не так страшно само наступление, как это томительное ожидание: «Будешь жив или нет?». Каждому почему-то кажется, что его убьют, и, конечно, разные беспокойные мысли лезут в голову. Что-то будет? Останусь ли я сам цел? Как увидишь, что смерть вот-вот схватит тебя — бесконечно хороша становится жизнь, но что же делать, придет приказ идти вперед — пойдем! Ведь не всем же суждено расставаться с жизнью, Бог даст, и обойдется благополучно... Но почему-то я совершенно спокоен, а товарищи офицеры очень волнуются.

Скоро, вероятно, загремит артиллерия, поднимется ружейная и пулеметная стрельба, а рассвет начнется в этом аду...

Сейчас уже *3 сентября* — 10 мин. первого. Пойду в свою полуроту подбодрю солдат, а то, наверное, упали духом, и им необходима чья-нибудь поддержка. Господи, благослови.

* * *

Вестовому приказал собрать все вещи и в случае, если выйдем из окопов, вещи отправить в штаб полка. Надел лишь шинель, пояс с «Наганом», в карманы патроны и кавалерийскую бомбу, в руки винтовку, отобранную у германца, и, перекрестившись, пошел в окопы. В 3 часа утра раздался взрыв динамита и бомб шт[абс]-кап[итана] Новицкого, немного постреляла наша артиллерия, но с «его» стороны ни одного выстрела, очевидно, «они» ждали чего-то... Сидим и ждем приказа вылезать из окопов — в проволочных ограждениях сделали проходы, но приказа не приходило, и под утро, когда совсем рассвело, все улеглись спать, только дневальные смотрели в бойницы.

Сегодня днем во время обстрела наших окопов легкий снаряд попал прямо по моему блиндажу, но не пробил, а лишь вырыл воронку да газами выгнал лежащего там вестового, меня не было — я был в окопах.

Весь остальной день прошел спокойно.

<...>

5 сентября 1916 г.

Наконец-то пришла долгожданная смена, в 12-м часу, пока мы сидели в блиндаже, наша рота сменилась и тихо вышла из передовой линии. За ½ часа до смены поднялся шум; прибежал вестовой и робким голосом говорит: «Наши секреты сбежали, а за заграждениями двигается, кажется, цепь прот[ивни]ка». Я моментально в блиндаж, надел револьвер, в руки винтовку и в окоп, вылез, слушаю — тихо, только посты подняли стрельбу, гоню, ругая крепкими словцами, секреты назад, пришел в секрет, тут рядовой показывает в темноту и говорит: «Здесь что-то сидит, а за заграждениями рожь — плохо видно», пустил туда 3 пули, пошел в другие секреты, со злости чуть не пырнул штыком, да как же из-за пустяка подняли шум и сбежали с постов. После, когда все успокоились, я разговорился с солдатами, лежа на заднем скате окопа и время от времени пуская в темноту ночи ракеты.

Рота уже ушла, и мы, распрощавшись с новыми хозяевами, побежали догонять роту. Ну! Слава Богу! Всё обошлось благополучно, первая стоянка в окопах прошла хорошо, Бог даст, и другие обойдутся так же. Вот мы уже в составе 3 роты подходим к лесу, где у штаба полка назначен сборный пункт. Издали несется собачий лай, и до чего приятен этот лай, за ним там и мерещится мирная, тихая жизнь, смешно, но, между прочим, было даже завидно слышать, как в немецкой

стороне — в деревнях лаяли псы, а у нас как в окопах, так и дальше стояла гробовая тишина. Когда собрались все роты, — полк двинулся на отдых, в корпусный резерв. Эх! Как хорошо свободно идти по дороге, не думая, что сейчас их винтовки подстрелят... Оглянешься назад — там, как и раньше, взрываются ракеты, изредка покажется ехидный глаз прожектора, и подумаешь: «Мы свое отстояли, теперь покарауйте Вы нас!». И солдаты все были довольны, что впереди предстоит, хотя, может быть, и небольшой, отдых, — спокойные ночи. Добрались до места, там уже Ильтубский в блиндаже, вырытой яме, покрытой ветками в виде крыши, защита лишь от непогоды, приготовил кровать, зажег свечу, я остался очень доволен и этим, т. к. кругом кроме пустого пространства ничего не было, сразу же юркнул туда и начал располагаться, солдаты заглядывали сюда, но, видя меня, уходили, у них были лишь свои убежища — палатки, которые они принялись расставлять. Было видно, что такой блиндажик, где в мирное время порядочная лошадь не стала бы стоять, они считают раем, да еще бы, прийти ночью усталыми, озябшими, кажется, вот бы найти уютный уголок и, напившись чая, улечься спать; а тут нет, изволь сам поставить палатку, достать соломы, а если захочешь чая, разведи огонь, достань воды и чая, тогда напьешься. Мне, слава Богу, не приходится самому обо всем заботиться, денщик всё сделает. С величайшим удовольствием напился чая и первый раз после 2-х недель разделся весь и улегся спать по-человечески. Но не удалось мне поспать как следует; какой-то несчастный котенок, разгуливая по мне, разбудил меня. Я терпеть не могу кошек, готов всех перестрелять, и до чего же я обозлился на него, выгнал, заснул, а он опять прилез, я его опять прогнал, потом взял сапог и ждал, когда появится его дурацкая морда, как только полез — я в него сапогом, жаль, не попало как следует. Всё-таки спустя час я заснул.

6–22 сентября 1916 г.

Я думал, как и все остальные, что мы отдохнем здесь как следует, но оказалось, что наш полк теперь состоит в «Особой армии», 25-го корпуса, командир ген[ерал] Гурко. Ввиду этого нам пришлось передвигаться с места на место. Стояли в разных местах по 2–3 дня и шли дальше, и в течение 2 нед[ель] мы сделали больше 100 вер. И переходы всегда являлись неожиданными; только заснешь, приходит вестовой: «Полк уходит». Страшно не хочется одеваться и идти в этой осенней темной ночи, тем более что только сделаешь блиндаж — печку, так хорошо и уютно, и вдруг иди, куда? зачем? Никто не знает. Всегда,

конечно, моментально вскакиваешь, винтовку на плечо и идешь. Иногда попадались большие переходы, под конец едва ноги тащишь, а солдаты идут молча, когда устанут, ни одного слова не услышишь из идущих сзади рядовых, а на привалах моментально ложатся где попало, и через мин. 5 добрая половина спит. Придя на другое место, не знаешь, где будешь спать и как. Чаще всего найдешь, если есть, какой-нибудь блиндажик и прямо спать, хорошо если заснешь, а то от холода не знаешь куда деться. Особенно последняя стоянка; привели днем в лес, ровным счетом ничего нет, а наши солдатики и палаток разбивать не хотят, т. к. видно, что мы с каждым днем ближе двигаемся к позиции, а отсюда уже 6 вер. и целый день гремела артиллерия. Мы стояли около шоссе на Затурце, по которому мелькали артиллерийские зарядные ящики, мчавшиеся к позиции, шли небольшими группами пленные и непрерывной вереницей шли и ехали раненые, впереди шел сильный бой. Ночь почти всю пришлось провести у костра, т. к. ноги, пока я спал в палатке, ноги почти ооченели, вылез к костру, снял сапоги, и ноги согрелись. Кое-как попил чая и отправился к ком[анди]ру бат[альона]. Он тоже себя неважно чувствовал, еще бы, в саженный блиндаж набилось 8 чел. офицеров. В 1 час. дня, не успели пообедать, как раздалось известие: 1 и 3 бат[альоны] выходят на поддержку. Собрались, пришел ком[анди]р полка, сказал речь, в которой больше всего напирал на то, что когда займут первую линию, не останавливаться, а двигаться безостановочно вперед, за 2-ю и 3-ю линию, ввиду того, что артиллерия прот[ивни]ка отлично пристрелялась к своим окопам. Затем, пожелав нам всего хорошего, он приказал нам двигаться. Затем велел 3-го офицера в роте оставить здесь, в резерве, на случай убыли. Прапорщ[ик] Кобелев оставил меня. Вот 1-я рота идет мимо меня, я прощаюсь с ней, говорю, что когда выбудут офицеры, я сразу же буду среди них. Моему вестовому Виничуку очень хотелось остаться со мной, но было нельзя, и ему пришлось, выложив мои вещи, догонять роту.

Пошел в штаб полка — хожу как помешанный, будто чего-то не хватает, адъютант заметил это и говорит: «Прапорщ[ик] Ананьев — жаждет крови». Я действительно чувствовал себя одиноким без солдат и как будто виноватым, что не пошел... Здесь уже собрались все офицеры, назначенные в резерв. Пошли на бугор наблюдать за артиллерийской подготовкой. 7 наших наблюдателей висело и, вероятно, тоже смотрели на разгорающийся бой. Наверное, шла атака — там, где шел бой, было совершенно темно, только слышались далекие разрывы да иногда блеснет красная или зеленая ракеты. Бой начался. Не успели мы прийти, как

последовало приказание выступить. Вот мы уже растянулись на опушке леса, догнали те батальоны и поротно быстро двигались вперед, мимо шли бесконечные вереницы раненых, шли они и с ранеными руками, и ногами, и головой, запыленные, грузные, опираясь на винтовку или на товарища. Шли массы контуженных — это как бы пьяные, с бессознательным выражением лица, пошатываясь, медленно тащили они свои ноги один за другим, и несмотря на такое состояние, сзади волочили винтовку, тоже грязную и запыленную. Наши солдаты спрашивали, как дела? А те лишь отвечали: «Ад! Братцы, Ад!». Мимо то и дело проносились зарядные ящики — спеша скорее доставить на батарею снарядов. У штабов полков царил беспорядок, резервные полки как-то путались, чего-то стояли, да и впереди, очевидно, были дела плохи. Только земля вздрагивала от такой палубы. Находясь близ полк[овника] Шаматова, я видел, что напрасно он кричал: «1 и 3 бат[альоны], поверху сюда» — никто его не слышал, и около не было ни одного вестового, а полк остался сидеть в окопах. Я послал с этим приказанием солдат и через ½ часа наши батальоны цепью двинулись сюда. Начинало смеркаться, я нашел блиндажик, посидел там немного и вышел, по-прежнему шли массы раненых, а на носилках то и дело приносили тяжело раненых. В это время наши 1 и 3 бат[альоны] сменяли на передовой позиции Фанагорийский, Пултусский, Астраханский полки¹⁸, которые, потеряв массу людей, постепенно отходили назад... Часов в 12 я заснул в блиндаже, с трепетом ожидая завтрашнего дня, сквозь сон слышал, как мимо прошел сумасшедший, смеявшийся громко в темноте ночи...

23 сентября

С утра жду — что вот скоро начнется бой, ...и я пойду туда...

Но скоро узнал, что сегодня не предполагается ничего и что все офицеры ушли в окопы, я тоже собрался и с прап[орщиком] Марченко тронулся в путь...

По всему ходу сообщений до резервной лощины виднелись лужи крови, брошенная амуниция, окровавленные бинты и т. п. В лощине лежали груды собранных русских винтовок, патронов, фляжек. Чем ближе подвигались мы к передовой линии, тем более был разрушен ход сообщения. Передовая линия была вся переворочена, лишь в некоторых местах оставалось всё цело.

¹⁸ 11-й гренадерский Фанагорийский полк, 183-й пехотный Пултусский полк, 12-й гренадерский Астраханский полк.

Я заглянул в бойницу, как раз у бойницы лежал лицом ко мне убитый мл[адший] ун[тер]-оф[ицер]. Я отшарахнулся. Идя по окопу, я встретил спину, торчащую из земли, засыпанного солдата, в другом месте торчала рука санитара. В проходах один на другом лежали убитые... Я выглянул в сторону противника через бруствер и увидел массы наших солдат, лежащих в разных положениях вплоть до его окопов, один солдат пытался сдвинуть рогатку, но... упал убитым, а руки так и остались заочеченными, будто бы ловили что-то в воздухе. Иначе говоря, всё пространство было завалено нашими трупами. Рогатки разнесены в щепу. В земле не было такого места, которое бы не треснуло от колебаний воздуха. Идя по окопу, можно было увидеть только лицо — туловище было засыпано, или с бруствера свешивался труп, глядя на проходивших широко открытыми глазами... Господи! Что, если бы эту картину увидели их близкие... Я мысленно представляю около каждого его семью... детишек... Бедные... Царство Вам небесное. Вы исполнили всё, что могли, перед Родиной и совершили самый геройский подвиг — положили душу свою за Царя и Родину.

Войдя в блиндаж, я увидел офицеров I-го бат[альона], спящих один на другом. Не стал их беспокоить, пошел к солдатам. И сегодняшнюю ночь провел в одном блиндаже с ними.

24 сентября 1916 г.

Сегодня ночью нас сменил другой бат[альон], а мы встали в резерв. Говорят, завтра будет бой — наш бат[альон] будет в резерве. В 4 часа тех офицеров, которые были в резерве, потребовали в штаб полка. Распрощался со всеми. Прапорщ[ик] Суходолец — всё пытался меня поцеловать, воображая, что я барышня, а прапорщ[ик] Рогач угрюмо протянул мне руку, и я ушел. Зашел к вз[водному] Молибог и фельдфебелю, сказал, что завтра будет наступление, говорил, чтобы не унывали, если ранит, поедешь в Россию, отдохнешь... Дал бы Бог, говорили они... Распрощавшись с окружившими меня солдатами, я, еще раз обернувшись, ушел в ход сообщения и через 10 мин. был в штабе полка.

Наступление назначено завтра в 6 час. ут. Я опять ушел в тот же блиндаж, вместе со мной спали и беседовали прапорщ[ик] Костин и Гейкле.

Ночью Гейкле назначили адъютантом к ком[анди]р у I-го бат[альона], час. в 4 ут[ра] ушел и Костин.

Часов в 7 ут[ра] я, только заслышав орудийные выстрелы, выско-чил из блиндажа; подумав — началось... и какая-то нервная дрожь по-шла по телу.

Наступление назначили в 4 часа (+10)¹⁹.

В 12 час. началась артиллерийская подготовка и, постепенно усили-ваясь, перешла в сплошной гул к 4 час. Как только наши вышли из око-пов, по направлению к ним взвились одна за другой красные ракеты и сюда посыпался дождь заградительного огня, затикали пулеметы, за-трещали винтовки. Немцы вытащили пулемет на бруствер, а сами, на-половину высунувшись из окопа, стреляли и бросали в наших бомбы, но скоро были осажены нашим пулеметом. В некоторых местах наши ворвались в окопы прот[ивни]ка, дрались с пулеметчиками, прапорщи-ки Маков и <...> пытались остаться там, но были убиты... а остальным без поддержки пришлось отойти и окопаться. В некоторых местах за-граждения были целы. Бой разгорался сильнее и сильнее. Красные, зе-леные, белые ракеты то и дело взвивались вверх. Резервные батальоны через параллели перебегали вперед... Резервные офицеры один за дру-гим уходили на пополнение, а из боя уже шли раненые офицеры и сол-даты, я вглядывался в лица, но не находил 1-й роты. Бегал к адъютанту, спрашивал, как дела; говорит, что «заняли 3 линии». А справа, вдалеке соседние полки тоже шли вперед, и оттуда еле-еле слышалось: «Ура!!!». Шли раненые офицеры и ворчали: «Эти проклятые параллельки нас погубили».

В ½ час. и меня потребовали к адъютанту, он мне говорит: «Вот и Ваша очередь настала». Меня, как я просил, назначили в 1-ю роту. Я пошел с прапорщ[иком] Бакланом. Беру в руки лопатку, прощаюсь с Парамонычем (подпор[учиком] Якуниным), который искренно жела-ет мне всего хорошего, и скорым шагом идем вперед. Мимо идут ране-ные без конца... Почти у самой передовой линии немец, пустив красную ракету, начал обстреливать то место, где шли мы, мы прислонились к стенке хода сообщ[ения], засыпало землей, пр[апорщик] Баклан хо-тел идти назад, я его остановил, Виничук надел маску и зарылся в земле. Через 5 мин. мы бежим по разрушенному ходу сообщ[ений], но попада-ем в тупик, идем назад, встречаем 11 роту 406-го полка, которая бежит назад — мы ее остановили и погнали вперед, угрожая бомбой и револь-вером, — они пошли. По пути вернули и наших солдат. Идя по ходу

¹⁹ В этот день 102-я дивизия сумела продвинуться вперед и занять первую линию окопов.

сообщения, мы встречали массу убитых, местами валялись руки, ноги... В общем, картина гораздо хуже, чем 24-го... Начинили надвигаться сумерки... Иду по окопу, всё поправленное вновь забито, разбито хуже прежнего... Кое-как нашел блиндаж ком[анди]ра бат[альона], там полно вестовых и телефонистов, на наре лежит тяжело раненый вестовой и просит скорее его унесли, но санитаров нет, и ему пришлось ждать... Узнаю скорбную вещь: прапорщики Рогач и Суходолец убиты... вот она, жизнь наша!.. Что это, судьба или нет? Мне кажется, что в таком бою, как этот, судьбы нет. Так, так безумно жаль стало погибших товарищей, только вчера ведь я ушел, оставив их жизнерадостными. Не знаю, пр[апорщик] Суходолец, наверное, предчувствовал смерть, и в резерве, видя, как несут убитых, сказал Рогачу: «Вот и нас скоро так понесут...». Бедняга! Даже не успел и папиросы изо рта вынуть, так и остался с ней убитым... хорошо, что хоть наповал, без мучений. Пр[апорщик] Рогач — все-таки успел расстегнуть шинель, пояс... но умер, не успев перевязать раны...

Вышел из блиндажа, они рядом без фуражек и шинелей лежат на ступеньке окопа... Герои!!! Я чуть-чуть не разрыдался, видя эти близкие лица... Не одни они пали жертвой сегодняшнего боя. Ком[анди]р 4-го бат[альона] подполковник Приезжев убит — половину головы снесло... остались лишь его большие усы... вместе с пр[апорщиком] Соковым, которому туловище буквально разворотило... Пр[апорщик] Костин убит при перебежке через параллели. Пр[апорщик] Коцубинский тоже... Ах! Масса убитых офицеров — 11 чел. и раненых 17 чел...

Узнаю, что первой линии не взяли, а окопались около его заграждений. На поддержку не подошел 406-й полк, и нам пришлось остаться ни при чем... Соседний полк хорошо шел... но слева Гороховский полк не вышел... Пришел подпор[учик] Машков, написали донесение ком[анди]р у полка о положении 1-го бат[альона], иначе говоря, всего полка, т.к. все роты и батальоны перепутались. А 406 полк уже стал частями на передовой линии, а наши солдаты бродят и не знают, что делать... Офицеров нет... Узнали, что 406 полк нас сменит, я пошел за заграждение собирать оставшихся солдат, один за другим шли они, испуганные, потрясенные ужасом боя... Я указывал им путь в резерв и говорил, чтобы там собирались. Всюду по окопам лежат трупы, кровь целыми лужами стояла в окопах... Узнаю, что в I роте убиты хорошие солдаты. Раненые лежали почти во всех блиндажах... Санитаров нет... некому спасти героев... и некоторые уже хрипели предсмертным хрипом... Увидел лежащего тяжело раненого гренadera I-й роты, приказал

солдатам нести его, он, бедный, так просил: «Господи! Скоро ли меня подберут... Ой! Ой! Тяжело!...» и громко стонал... Идут наши герои, оставшиеся в живых, а высшего счастья для них нет — только бы уйти в резерв, отдохнуть...

У немца тихо, тоже обошлось не без потерь. Пришли и оставшиеся офицеры пр[апорщики] Кобелев и Гейкле, и мы вместе тронулись в резерв. Идя по ходу сообщения, я наступил на что-то мягкое, посмотрел — человек. Пошли не туда, вышли опять на передовую линию, пришлось вернуться, но я уже напряженно смотрел, где лежит убитый, и кое-как на мускулах перебрался через него. Сзади нас шли солдаты, несшие убитых товарищей... Пришли в резерв, собрали роты, сосчитали людей, осталось по 70–80 чел. от роты, а в 13 роте — 25 чел... Встретили ком[анди]ра 406 полка полк[овника] Науменко²⁰, он шел, злобно помахивая палкой, ведь его полк не подоспел к нам, хотя он и стрелял из револьвера, и гнал солдат, и обещал поставить пулемет, но ничего не вышло. Нач[альни]к дивизии на него страшно разорвался. Когда солдаты подошли, мы, построив их, двинулись в штаб полка. Здесь солдаты разбили палатки, а мы нашли блиндаж и скоро заснули.

Утром мы узнаем, что нас опять хотят послать 26-го сентября в наступление, эх! До чего же это скверно подействовало на нас, после такого страшного боя, не дав оправиться, опять в бой — это жестоко, да и притом есть свежие полки 407 и 408-й²¹.

Ждали мы с трепетом распоряжений, но, вероятно, Небо сжалилось над нами, и мы пошли далее в дивизионный резерв. Никаких блиндажей не было, пришлось поселиться в шалаше из веток, но листва опадала и шалаш был паршивый, но нас утешало то, что рядом был лазарет, и здесь то и дело порхали сестрицы.

Но и здесь нам не повезло, в один прекрасный день вышли мы на занятия, я построил роту во взводной колонне, приказал снять всю амуницию и начал им объяснять о взятии высоты 114,8. В это время летевший наверху аэроплан прот[ивни]ка, вероятно, начал сигнализировать, и разрывы снарядов слева начали приближаться ближе и ближе, вдруг один снаряд сделал перелет и разорвался в 100-х сзади, я командовал: «одевайся», в это время слышу, летит еще... чувствую, что если не попадет в роту, то разорвется очень близко, кричу: «Удирай в лес!».

²⁰ Науменко П. А. (1867 – ?) — полковник с 1915 г., командир 406-го пехотного Щигровского полка с начала 1916 г.

²¹ 407-й пехотный Сарайский и 408-й пехотный Кузнецкий полки.

Рота разбегается, я тоже несусь вовсю в лес, а он ближе, ближе, думаю, вот в меня... Трах! Дзи-инь-нь — запели осколки, чувствую, что жив, бегу дальше, что-то печет в левой ноге — думал, ранен, оказалось, горячим воздухом контузило. Ну слава Богу! Но не обошлось и без потерь, в 15 роте убило только что прибывшего прапорщ[ика] Коломийца — жаль беднягу, еще даже не был в окопах, и под недолет до роты попала 4-я рота, и там 1 убило, 3 ранило.

* * *

Есть все-таки на Руси скверные люди, который, может быть, через секунду сам будет убит, — а он нет, совершает позорнейший для человека в такую минуту, в минуту страшного боя, такой поступок, особенно солдату, ведь позоришь себя и роту и всех, так, у нас в полку после боя 25-го сентября, когда снесли всех убитых офиц. в одно место и положили у околотка, на носилки, то почти все были без... сапог, и ни у одного офицера не осталось и следа пребывания денег или каких-либо других ценных вещей... Как это ни позорно, как ни грязно, но, к сожалению, — факт. Солдаты и санитары во время боя, правда, не все, а лишь самые бездумные твари, занимались мародерством — обирали своих офицеров, а ведь пули свистят кругом, и он подползает, и начинает шарить по карманам, и стягивать сапоги, не для себя, а с целью продать.

И вот ввиду такого гнусного поступка ком[анди]р полка приказал произвести обыск у всех н[ижних] ч[инов]. Выстроили их и начали осматривать, осмотрели всё, и белье, и шинели, но ничего не нашли. Воры-мародеры оказались напрактикованными.

1 октября 1916 г.

Созвав всех офиц[еров] полка, ком[анди]р полка объявил, что мы пойдем еще раз в наступление на высоту 114,8 и что ее решено взять во что бы то ни стало, положить массу солдат, но взять.

2 октября 1916 г.

С наступлением темноты 1 и 2-я роты пошли на ночную работу. Пришли в штаб дивизии, там нам саперный офицер объяснил, что наши роты будут строить наблюдательный пункт для дивизионного ком[анди]ра. Пункт уже пытались строить, но немец тяжелыми снарядами разгонял рабочих, т.к. хотят построить его на высоком бугре. И вот нам была поставлена эта задача, а сделать нужно было обязательно, а в случае неисполнения работы мы пойдем под суд. Но наши роты быстро исполнили задание и в 4 часа ут[ра] мы шли уже назад.

3 октября 1916 г.

Мы шли всё ближе к штабу дивизии, а на позиции разгорался бой, заблестели красные, зеленые ракеты, загремел заградительный огонь, ураганный огонь открыла наша артиллерия. Это наши полки наступают на выс[оту] 114,8. Несколько шрапнелей просвистело над нашими головами, мы чуть не бегом шли на место стоянки. Пришли, но полка здесь не застали — ушел на поддержку к 406-му полку. Все вещевые мешки были оставлены. Нам разрешено было отдохнуть, но через час мы уже шли к месту боя. Бой впереди шел сильный. Та же картина, что и раньше — 25-го сен[тября], раненые, контуженные. Батареи усиленно работают. Пришли на то место, где был наш штаб полка, но никого из наших не было, мы попробовали пойти по ходу сообщения, но слишком много шло раненых, пришлось перейти в другой ход. По всему пути до 2-й лощины сидели роты Туркестанских полков. Перебрались в 1-ю лощину, т. к. ближайший резерв. Здесь творилось что-то невероятное — собрались сотни раненых, убитых. Все толпятся без толку, офицеров нет, и чем ближе шли к перед[овой] линии, тем я больше убеждался, что что-то творится с полками. Встретил товарищей других полков, поцеловались, и я пошел дальше. В ходе сообщения бродили роты, искавшие своих офиц[еров], бежали офицеры, искавшие свои роты, здесь же шли раненые, контуженные, несли на носилках тяжелораненых, и всё это под сильнейшим огнем. Словом, творилось что-то невообразимое. Нашли ком[анди]ра бат[альона], приказал разместить солдат по параллелям, но места не было, т. к. окопы изрыты, нет живого места, да и наступающие полки перепутались. Масса солдат еще лежат под его заграждениями, проходили такие, которые по 3 дня лежали у его заграждений, боясь выйти. В 4 часа Остроленский полк²² во главе с ком[андиро]м полка поверху во взводной колонне прошел вперед, но огонь был сильнейший, и снаряды упали прямо в первые ряды. Ком[анди]р полка, бат[альона], рот[ы] ранены, движется следующая колонна, опять разбита — полк расстроился и, глядя в параллели, ищет места, но всё уже и так полно, это обстоятельство еще более усилило панику. Пришлось усадить солдат и в развалинах, и с другими ротами. Жаль их было, ведь это лишь простое избиение солдат. Мы, все офицеры 1-го бат[альона], 5 чел[овек], собрались и ждали смерти — огонь был ужасный, орудия

²² 181-й пехотный Остроленский полк, командир полковник П. П. Аджиев (1877–1919).

стреляли как из пулемета, но, очевидно, нас спасал лишь Бог, тяжелые снаряды рвались кругом блиндажа, к нам в блиндаж поползли раненые. Приказа выходить не было, да если бы и был — ничего бы не вышло, а лишь погибли бы люди...

С наступлением темноты нас отправили в 1-ю ложину, я думал, что пойдем в резерв, оказалось, не то, не дали даже уснуть, и несмотря на то что от роты из 122 осталось 90, — нас отправили на другое место, немного левее, очевидно, решили и здесь попробовать счастье, но плохо пробовать счастья на истерзанных, измученных солдатах, которые до глубины души потрясены моралью, ведь моральное впечатление — это хуже всего, если солдат не верит в победу, лучше оставить его в покое и дать отдых, и только когда он успокоится, забудет происшедшее, тогда можно его послать в бой, и наше дело окончится удачей, конечно, если будут оказаны поддержки, где нужно.

А то бесперывные атаки, да еще неудачные, такая страшная сила артиллерии, потери товарищей, и кровь, кровь, трупы, по которым нужно идти в атаку, всё это складывается в такую ужасную мораль, что каждый солдат думает: «Ну вот, в этом бою меня обязательно убьют».

Придя часа в 3 ночи на новый участок, мы нашли ту же картину, которая преследовала нас с 24-го сен[тября]: в окопах в разных положениях лежали, сидели убитые, приказываешь убирать, а молодые солдаты боятся...

Что здесь будет? Чего еще от нас хотят? Кое-как провели ночь, спали вместе с солдатами вповалку. Пришел 406 полк и встал сзади, а мы по-прежнему расположились в параллелях. Говорят, завтра наш полк будет наступать... а 406 п[олк] на поддержку. Но я, хотя я, в сущности, и не имею права этого говорить, скажу, что ничего не будет, ведь противник отлично знает, что мы упорно решили взять высоту, и он, в свою очередь, решит дорого отдать ее, и не с этими солдатами на этом месте наступать, необходимы свежие полки. Когда наш полк пришел 1-й раз сюда, он пошел хорошо вперед, были и во 2-й линии, но уже вина не наша, что не дали поддержки. На 2-й и 3-й раз наши солдаты шли, но уже далеко не так, как первый раз, в них уже не было свежести. Это всё равно что дать человеку накушаться до отвала, а потом заставлять его опять есть, естественно, он ни за что не будет. Мы пойдем, умрем, если суждено, пойдем, если нас заставят, стоит только сказать нач[альни]ку дивизии: «Вперед! 405-й полк!», и вот мы лезем...

Но у каждого солдата я вижу на лице: «Господи! Скоро ли кончатся наши муки!..». Жаль, жаль на них смотреть, так и хочется

плакать, ведь многие погибли здесь... А что такое офицер? Положение их еще хуже, ведь я лично один, а их 90 чел., за всеми не усмотришь, а сам обязательно иди впереди, а иначе солдаты не пойдут... Я пойду, и знаю, что невредимым отсюда не выйти, но если бы я, да не только я, и все офицеры полка, ведь думаю в данный момент так я не один, а все офицеры и солдаты, если бы могли хоть помыслить, что будет успех...

Но долой эти мрачные размышления, прикажут — пойдём, сделаем, что возможно, победим или умрем!²³

5 октября 1916 г.

Сидит с раннего утра солдат и думает: вот-вот скоро прикажут вылезать. Я с пр[апорщиком] Кобелевым сидим в пулеметном убежище и рассуждаем, пришли денщики, он их прогнал: «Сейчас в атаку пойдём, а вы пришли со своим обедом. Вот отсюда!». Пришел ком[андир] I бат[альона] 406 полка, беседовали преимущественно о предстоящей атаке. Получили диспозицию: «Выходить всем вместе, идти смело, занять высоту 114,8 и двигаться к опушке леса и там окопаться». Хорошо писано. Это хорошо диктовать свежим войскам, а в данном случае — это вызвало лишь горькую усмешку: «все вместе», да — офицеры выскочат все вместе, но солдаты нет, ведь один офицер роте — что он сделает...

Солдаты, как передавали, Варшавского полка²⁴, ходили между нашими и, возбуждая не идти в атаку, говорили: «Если пойдете, будем добывать Ваших раненых, а в Вас стрелять». Но я знаю, что солдаты 405-го Львовского полка вышли бы, кинулись бы за своими офицерами. Пошел к ком[анди]ру бат[альона], там собралась группа офицеров, которым предстоит первыми идти вперед, грустные лица... Началась артиллерийская подготовка, огонь переходит в ураганный. Я нахожусь среди роты, приготовил щит и лопатку, только жду приказа — «Вперед!». Противник тоже начинает сыпать тяжелыми... солдаты с мрачными лицами копают выходы... Вдруг всё прекратилось... объявили, что атака отменена. «Слава Богу!» — сказал каждый солдат, у всех стали радостными лица, голодные солдаты, которым 5 мин. назад кусок хлеба не лез в горло, принялись с жадностью есть хлеб.

²³ Отметим, что в этот день 16 (3) октября части 102-й дивизии заняли первую линию окопов противника, однако были выбиты оттуда.

²⁴ 184-й пехотный Варшавский полк.

8 октября 1916 г.

Через два дня мы, завязав вещевые мешки в лесу, хотя многих хозяев мешков уже не было в живых, шли ночью по шоссе и полевым дорогам, утопая в грязи, в глубокий резерв. 2 наши бат[альона] пошли в дер. Сернички на работы. Через 5 дней нам пришлось их сменить. Вышли ночью, тьма, а грязь — вот уж хуже Волынской грязи, наверное, нет на белом свете, по шоссе прямо нельзя идти, сапоги остаются в грязи. Пришлось помедлить. Эх! Уж чего только в такую дорогу не наслушаешься от солдат. Моя рота шла сзади, а младший оф[ицер] прапорщ[ик] Шустиков подгонял их на лошади. Когда он проехал, спрашиваю: «Все?» — «Все», а я вижу, что мало людей, он поехал назад, посмотрел, говорит, никого нет, тогда я поехал, вижу, недалеко стоит одиноко на дороге почти вся рота... Пришлось одним догонять далеко ушедшие батальоны. Когда пришли, у опушки леса пришлось померзнуть часа 3, потеряли нас 2 роты, только когда я застучал в колотушку, откликнулись. Солдаты стали развешивать палатки над липами. Блиндажей нет, а холодище ужасный. Я пошел искать товарищей да влетел в громадную яму с водой, промок весь. Пришел, народу 6 чел[овек], а блиндажик маленький, пришлось поспать на полу.

10 октября 1916 г.

Кто не был на позиции, тот не знает, что это такое — носить рогатки, да еще в прескверную погоду, в темную ночь. Забрали мы 30 рогаток и пошли, тяжело, дорога грязная, но это еще не беда. Вблизи передовой линии нарыта масса окопов, и все без переходов поверху — более 13 шт., и через все нам пришлось прыгать и перебрасывать рогатки. Это не работа, а мучение! Все рогатки, кроме случайно забытых 4-х, поставили на место и пошли домой, еле волоча ноги, да немец вздумал нас обстрелять! Кое-как дотащились до блиндажа. Как бухнулся я на кровать и мин. 15 сидел, пока не пришел в себя, думаю: вот ты, доля солдата...

11 октября 1916 г.

За то что вчера не донесли 4 рогатки, пришлось сегодня 10 чел[овек] сходить и докончить, пошли те, которые вчера, несмотря на то что я строго запретил, отставали и укрывались от работы.

Вообще нужно сказать, что солдаты развинтились донельзя, только офицеры и держат их в кулаке. Да и притом мало осталось хороших солдат, много молодых, которые стоят у бойницы да и спят, как говорят

солдаты: «Притулит морду и храпит, ну что с него спрашивать», а есть и такие, которые плачут, когда сильный обстрел. Но понемногу вникают в окопную жизнь и привыкают.

Взводный, а особенно отделенный для ярых солдат ничто. Особенной дисциплины нет, т. к. отдыхи в глубоком резерве малы, и едва только солдат начнет принимать «воинский вид», как снова идет в окопы, а здесь особенного ничего требовать не приходится. Да как-то слова не поднимаются выругать солдата, т. к., может быть, и меня скоро убьют, или его, да и притом бои. Если солдат будет зол на офицера, ему ничего не стоит пустить пулю в затылок ему или не оказать помощи в нужный момент. Я слышал, были случаи, что скверно обращавшийся офицер был тяжело ранен, и никто из солдат не помог ему, а, проходя, посмеивались, говоря: «Смирно! Подтяни поясок!». А некоторые сами убивали своих офицеров. Странно, но мы видели солдат первоочередных полков — в лаптях. Летом можно было видеть солдат в пресквернейшей амуниции до того, что не походили на солдат. Слава Богу, наш полк обмундирован хорошо.

* * *

Что такое теперешнее офицерство, я не беру в счет офиц[еров] мирного времени, которых страшно трудно отыскать и которые куда-то делись?.. Теперешнее, в настоящее время офицерство — прапорщички или подпоручики, поручики и т. д. из прапорщиков с душой и телом прапорщика. — Это какая-то волна, которая собирается в далекой России, — в училищах, школах, затем оттуда она идет в запасные полки, здесь более «сметливые» пристраиваются в «кадр», конечно, для этого нужно ладить с адъютантом... отсюда волна идет на фронт, более «патриотичные» по пути «цепляются» где-нибудь, как в учебных полках дивизии и т. п., а волна идет и только останавливается в окопах, в боях, до этих пор дорога, известная каждому, но тут — на позиции — уже эта волна расплывается, и где судьба указала, там и придется быть либо убитым, раненым, в плену и т. д.

И кто же больше всего говорит о тяжести жизни на позиции, о боях и т. п. — все эти «цеплялы», а кто больше всего придирается к прапорщикам, случайно попавшим с позиции в города, — офицеры мирного времени и военного времени, не нюхавшие «дыму», а щеголяющие в столицах в формах мирного времени...

Но больше всего возмущают эти чиновники, которых за военное время стало «как собак нерезанных». Не стесняясь, носят форму офицеров, ремни, бинокли, полевые сумки, шпоры — это необходимейшие

спутники «ходящего в шпорах и т. п. и говорящего о трудностях военно-походной» жизни.

Не мешало бы этому шатающемуся и пристроившемуся в разных учреждениях «Земства», «Красного креста» и др., где-нибудь на Невском пр., нацепить в дополнение — противогаз...

<...>

13 октября 1916 г.

Побывав на прежней стоянке, мы, как говорят слухи, пойдем в Румынию, а сейчас идем на посадку в поезда. На дороге ком[анди]р полка сказал, что две версии: I) в Финляндию, II) в Румынию. Дай Бог! Хоть куда-нибудь убраться с этих Волынских болот. Вышли в 8 час. веч[ера] и шли всю ночь и утро — грязь невылазная, хорошо хоть лошадь есть, ведь теперь я на законном основании с 1-го окт[ября] команду 2-й ротой. Шли долго и устали здорово, но нас поддерживала надежда — предстоящая поездка. Остановились в лесу у кол. Фридриховка в хороших блиндажах.

За всё время, к сожалению, недолгой стоянки погода была великолепная, хотя аэропланы прот[ивни]ка сильно летали здесь, но это не мешало любоваться нам красивой местностью и отдохнуть душой и телом вдали от... того ада. Как хороша здесь жизнь, а тем более в глубоком тылу, в России, спокойно, тихо... только, кажется, бы и жить, и наслаждаться жизнью.

Был медицинский осмотр, это нас заставило еще более верить в отъезд — но ему было не суждено осуществиться.

16 октября 1916 г.

Все ротные ком[анди]ры были собраны к ком[анди]ру полка вечером, который объявил нам, что наш полк займет старую позицию от кол. Ясенева до выс. 84, где мы простои́м всю зимнюю кампанию. Вот тебе и уехали!

17 октября 1916 г.

В 6 час. утра ком[анди]ры бат[альонов] и рот ехали все верхами по направлению к той позиции, которую придется нам занимать. Доехав до Щурина, мы, остановив лошадей, пошли каждый в свой батальон, который предстоит сегодня сменить. Никаких ходов сообщения в наш бат[альон] не было, и пришлось перебежать по одному от халупы к халупе и по высокой траве, кое-как добрались до правогофланговой

роты. Пошли на следующий уч[асток], т.е. который будет занимать моя рота, протяжение уч[астка] до 1500 шаг., а в роте 110 чел., больше половины участка на проходимом болоте, окопы наносные и только одна сторона, грязь, сыро, вода. Блиндажи тоже из дерна. Остальная часть уч[астка] на сухом бугорке, но здесь нарыта масса линий, которые нужно будет зарывать и исправлять. Попил чаю и поел у офиц[еров] 284 Венгровского полка. Их полки 9 рот целиком попали в плен в эту стоянку. Да брали так, что 10-х брали, а 11-е не слышали...

Ждали полк в <...>. Когда полк пришел, вместе отправились на смену. К 1 час. смена была закончена, и я принял боевой уч[асток], который должен отстаивать со своей ротой. Могу гордиться тем, что из нашего громадного фронта от Риги до Черного моря 1 верста вверена мне.

24 октября 1916 г.

В общем, участок скверный — сырой. Принялись улучшать окопы. Потребовал рабочих, саперов, дружинников, они вырыли новую линию, а старую зарыли. На следующий день германец заметил отсутствие старых окопов и с 10 час. начал сильно обстреливать нас минами.

Вперед я жил в маленьком блиндаже, хорошем, но воды в нем набиралось за 2 часа 15 больших ведер, однажды я думал, что утону: проснулся, а вода вот-вот дойдет до постели. Запах скверный, воздух сырой. Пришлось сделать себе новый блиндаж. Блиндаж вышел на славу, но противник обратил внимание на усиленную работу в этом месте и сегодня обстрелял нас. Я с пр[апорщиком] Шустиковым сидели в новом блиндаже, мины падали и разрывались рядом, пороховой дым вместе с колебанием воздуха то и дело врвался в блиндаж. Мы убежали в пулеметные убежища, во 2 взвод, все окопы на безгорке были завалены, пришлось бежать по верху, всё время приходилось пригибаться, т.к. новые мины и бомбы летели сюда. Но и здесь было не особенно спокойно сидеть, мины и бомбы и здесь рвались рядом и земля то и дело вздымалась кверху и засыпала убежище черными комками. Попали в пулеметную площадку, и ее разнесло, пулеметная стойка слетела. Я видел это и приказал поставить стойку на открытую площадку, а пулемет находился с нами. Все люди разбежались в соседние роты, и на этом месте не было никого. Я всё посматривал на пулемет и думал: «В случае чего выставим пулемет, да и будем жарить, а дальше что Бог даст». Но этого не произошло. Немцы вперед не пошли, а, наверное, решили себе взять в задачу разрушить наши новые окопы. 3 часа сидели мы в убежище и ждали: вот-вот попадет. Слышишь: бах! Отдаленный выстрел — это значит, летит

или мина, или бомба. Вот она долетела до точки предела и, перевернувшись, с усиливающимся воем летит вертикально вниз... Куда? Куда попадет, думает каждый — вот тряхнуло землю, закачало блиндаж и запели осколки, это мина разорвалась и, слава Богу, не на нас.

Пройдет несколько секунд с момента разрыва — все ждут следующей мины или бомбы, слышно, как летят запоздалые осколки — «фр-фр-фрр». Вот опять «бах!», «идет», думает каждый, и все прислушиваются... на этот раз мина летит комьями земли и пр., опять не в нас. И вот таким образом мы прослушали более 150 мин и бомб... Другие, не бывшие на позиции, скажут: «Это что, вот ураганный огонь — это да!». Нет — смею Вас уверить, что медленный обстрел хуже в миллионы раз ураганнейшего огня. Здесь всё сливается в общий гул, и не разберешь, что? и откуда? и постепенно войдешь в азарт... а тут какое-то мучительное чувство... Это всё равно что отрубить моментально все пять пальцев или медленно, по очереди их резать...

В 11 час. вечера мы, сидя в своем блиндаже и распивая чай, со смехом вспоминали, «как он, мерзавец, чуть не угодил» к нам в блиндаж.

В штабе полка раздавали подарки, купленные на «английские» деньги. Принесли ко мне в блиндаж их, и я поровну распределил табак, бумагу, конверты и пр. Офицерам досталось по большой пачке папирос, которыми я остался доволен. Кроме того, были и музыкальные инструменты, на наш батальон достался бубен, и мы все каждый у себя не раз от скуки, взяв трубки телефона, слушали бряцанье бубна и пение ком[анди]ра бат[альона] и оставались страшно довольными. Вообще у нас по телефону происходили разнообразные веселые разговоры, если бы ком[анди]р полка услышал то нам наверное бы не поздоровилось (саперный полковн[ик]).

Раз часа в 3 ночи я заговорил в трубку по-немецки, телефонистки на всех станциях перепугались, думали, что индукция — немцы перенимают их разговоры.

30 октября 1916 г.

Не успели мы проснуться и надеть на себя сапоги, как проклятые мины уже запели над нашими головами. Опять стали заваливать проходы, вычищенные ночью. Вдруг что-то перервало все мысли, я протянул куда-то вперед руки, защищая себя от чего-то темного, через несколько мгновений я почувствовал, что в наш блиндаж попала мина и его завалило, но что я еще жив... хотя что-то сильно давило мне ноги... Я увидел впереди себя пол-аршинную дверку, оставшуюся вместо входа, и полз

туда, внизу под бревнами валялась трубка и никого уже не было... Высовывая голову, я думал, что если сейчас трахнет еще мина... но ее не было, и я, не оглянувшись на блиндаж, побежал без шапки по разрушенному окопу, думая: скорее бы только добраться на правый фланг, подальше от этого злополучного места... Недалеко встретил вестового Ткаченку, который всё смотрел, бегу ли я... Туда летели мины одна за другой, а я с пр[апорщиком] Шустиковым сидели в блиндаже на болоте у фельдфебеля, который предусмотрительно убрался оттуда за 2 дня.

Все убежали раньше меня из блиндажа и сомневались, жив ли я? Хотя мины громыхали и в 1000 шаг. отсюда, но всё же казалось, что рвутся здесь. Но интересно то, что сейчас я испытываю не столько чувство страха, а чувство страшной злобы к немцам... Ну попался бы хоть один — сейчас, клянусь, не был бы живой.

Главное то, что натерпелись столько морали, а даже не контузило. А скольких трудов стоил блиндаж... Во время работы один был убит в 2-х саж. от меня. Я с полуротой тоже набивал мешки, и к утру блиндаж был готов. Деревянные стены, железная пружинная кровать, железная печка, пол, всё так хорошо было сделано, а теперь... как будто бы кто-то ударил сильным кулаком снизу и сверху, и наш блиндаж превратился в груды развалин, под которыми чуть не погибли мы, накаты поднялись вверх, концы которых торчали разбитыми в щепы. Некоторые бревна валялись на почтительном расстоянии отсюда, а сбоку зияла громадная воронка в 3 арш[ина] шир[иной] и 2 глуб[иной]. Нас спасло то, что была толстая стена, которая хотя сломалась и стала углом, но всё же спасла нас. В общем, мы остались целыми и невредимыми только по милости Бога.

Пассивный участок, а потери за 9 дней 7 убитых и 8 раненых, а остальные большая часть контужена и больна, вот что сделал со 2-й р[отой] этот уч[асток].

И вечером по моей просьбе рота ушла в резерв, и остальные 3 дня достояли здесь.

4 ноября 1916 г.

В переходах всегда идешь впереди роты, за санитарями 1-й роты, каждый раз спрашиваю у них: «А куда вы дели Латынина?», — они горько молчат. Это был здоровый мужчина 34 л. с громадной бородой и простодушный, который мне очень любил рассказывать свои похождения и пр., и вообще питал ко мне какую-то симпатию. Он — сани-

тар, во время боя много принес пользы. Но погиб ни за грош, именно ни за грош. 3 окт[ября] его завалило землей, и вырыли через 2 часа, но он уже был мертв. Страшно жаль его, такой симпатичный старик.

Ах, эти артиллеристы — трусье! Были бы они в покое, а что делается с пехотой, не их дело. На наш уч[асто]к был назначен арт[иллерийский] наблюдатель, который, когда начался обстрел минами, удрал на другой уч[асто]к, а оттуда к ком[анди]ру бат[альона], оставив «конец», когда нам понадобилась батарея, «конец» не действовал, и вот наша батарея ни одного снаряда не выпустила... пока мы сидели под минами.

А по ночам, когда не надо, какая-то «дежурная» батарея стреляет, да вообще артиллерия больше стреляет по своим, нежели по прот[ивни]ку, нередки и случаи ранения от своих снарядов.

А когда я сообщил, чтобы батарея открыла огонь, «что-то замечено», они действительно забеспокоились, еще бы, может и им попасть. А поют: «Мы всегда заодно с пехотой» и т. п.

8 ноября 1916 г.

Все дни у нас шли усиленные занятия, уборка плаца, репетиции, подшивали красные петлицы и пр., всё это приготавливалось к полковому празднику, который наконец наступил. В 9 час. ут[ра] полк в резервном порядке, на специально подготовленном плацу, стоял в ожидании ком[анди]ра корпуса, но вскоре было объявлено, что ком[анди]р корпуса не будет, да это и лучше. В 11 час. приехал нач[альни]к дивизии г[енерал]-м[айор] Шильдбах²⁵. Был молебен и пр. и церемониальный марш, раздавали Георгиевские медали. Нач[альни]к див[изии] сказал, «что полк представился в высшей степени блестяще, нельзя верить, что полк только что из окопов, его можно поставить наряду с действительными полками и др.». Нужно сказать, что, правда, полк показал себя хорошо. Блестящая походная форма и пр., всё имело и содействовало общему успеху. В 12 час. дня был наш долгожданный обед.

Когда я вошел во вновь выстроенное собрание, я был поражен убранством и яствами, поставленными на стол. Громадное помещение, стены завешены палатками и обиты елочными ветками, посреди

²⁵ Шильдбах (Литовцев) К. К. (1872–1939) — генерал, войну начал как командир лейб-гвардии Литовского полка. Участвовал в боях в Восточной Пруссии. В сентябре был начальником штаба группы генерала В. Е. Флуга при отражении прорыва немцев у Свенцяна. С октября 1916 по апрель 1917 г. стоял во главе 102-й дивизии.

висели люстры, сделанные из штыков, а у главного стола было сделано из веток 405, для оркестра была сделана отдельная комната и для кухни. В собрании уже были нач[альни]к дивизии и гости, мы стали размещаться, офицеры I бат[альона] сели вместе во главе с ком[андиром] батальона подпор[учиком] Машковым, который, к сожалению, скоро напился до положения риз и хотел идти на середину собрания говорить речь, но шныряющий по собранию «Парамонич» его живо подхватил под мышки и вывел в прихожую. За ними полез сидевший с ними прапорщ[ик] Попов, тоже — пьяный, и оба принялись скандалить и т. д.

У меня уже голова порядочно шумела, и я вышел на улицу и увидел наших героев, в чем-то убеждавших друг друга; Машков своими бессмысленными глазами только глазел на него, и тот что-то кричал об оскорблении. Я подхватил Машкова и свел его в блиндаж нач[альни]ка связи, где он, как говорят, прежде оправился на его кровать, говоря: «Еду в Америку через Атлантический океан», а потом лег спать...

А прапорщ[ик] Попов стоял в это время перед поруч[иком] Москавским, увещевавшим его, и плакал, говоря, что «я Машкова зарублю, он меня оскорбил» и т. д.

В собрании прапорщ[ик] Пособцев, напившись, вздумал раньше всех тостов провозгласить за нач[альни]ка див[изии] — его тоже скоро вытащили из собрания.

В собрании гремела музыка и под вечер подвыпившие офицеры пустились в пляс. Тосты следовали за тостами, за кого только не пили, даже за «честных» сестер милосердия и т. п.

Нач[альни]ка дивизии качали более 10 раз, ком[анди]ра полка тоже, даже чуть ему голову о потолок... В общем, все чувствовали себя хорошо. Ком[анди]р 4 бат[альона] 102 бригады очень весело себя вел. Подпор[учик] Цветов сказал речь, что очень сильно ждали нашего ком[анди]ра полка полк[овника] Шаматова. А ком[анди]р 4 бат[альона] говорит: «Не Вы одни, и мы, батарейщики, ждали Вашего славного ком[анди]ра полка. Каждый день спрашивали, приехал ком[анди]р полка? Говорят, нет — грустно! Другой раз тоже нет — грустно! На третий раз говорят, приехал» — и он закричал: «Приехал!!! Приехал!». А мы тут давай его поздравлять с приездом, вышло очень смешно. Во 2 часу ночи уехал нач[альни]к див[изии], мы проводили с музыкой и «ура!». Все понемногу начали расходиться. Всё еще не успокоившийся пор[учик] Богдавленский скандалил с прапорщ[иком] Домоновым.

<...>

15 ноября 1916 г.

Все роты полка собрались около штаба дивизии в поле на газовый опыт, а вчера вечером приехал производить опыты профессор. Вырыли окоп, ввели туда лошадь с намоченной торбой, впереди окопа на бруствере разложили костры, а еще впереди поставили деревянную клетку с собакой, осужденной на смерть. Перед клеткой лежали правильно уложенные баллоны с газом. За окопом были по ветру поставлены шесты. Зажгли костры и дымовые шашки, открыли краны баллонов, раздалось шипение и густая белая масса, поднимаясь над дымом, предварительно пройдя через клетку с собакой, которая начала орать во всю глотку, стелясь по земле, поплыла по шестам дальше и дальше, всё расплываясь в стороны. Впереди бежал без маски солдат, но пар скоро его настиг, и ему пришлось свернуть в сторону. Краны закрыли, газы рассеялись, мы увидели собаку с пеной у рта (признаки отравления), наполовину высунувшуюся из поломанной в бешенстве клетки. Ее выпустили, она, пошатываясь, пошла в поле. Лошадь благодаря торбе осталась цела, хоть ей и так пора уже быдохнуть, а иначе бы она и на опыт не попала бы. Пустили слабую струю газа, и весь полк пришел и «понюхал» запах газа, и все в масках прошли в нем. Почему-то ужасно хотелось в самой середине сорвать маску... Все-таки скверная вещь — газы. Я немного вдохнул в себя, и как будто какие задушающие куски пошли через мое горло, я поспешил выбежать из середины газа. Всё блестящее позеленело: погоны, пуговицы и т. д.

16 ноября 1916 г.

«До яичницы»

Смешное заглавие придумали любители «21». Когда кончался ужин в собрании, все понемногу расходились, а оставшиеся «любители» садились за стол и начинали «дуться». Начинают играть чел. 10–15, а к 3 час. остаются чел. 5–7, и «не выдержавшие» «жаркого боя» уходят. А «закаленные» в боях до яичницы продолжают игру. Они уже привычные люди и их ко сну не клонит. Они бодро держат себя. Частенько раздается «Кепа!» Здорово любил проигрывать п... Р., который после порядочного проигрыша ложился на стол и начинал выть волком. «Акционерное общество действует», — это проигравшиеся игроки суют друг другу по трешке или пятерке и таким образом влачат свое существование. Часов в 6 утра кончается «сеанс» апофеозом — яичницей. Хозяин собрания подпор[учик] Якунин угощал яичницей и чаем, после

чего игроки, «усталые и измученные после горячего боя», отправлялись по домам и заваливались спать до вечера, чтобы, придя в собрание на ужин, вновь начинать «горячий бой». И так почти каждый день.

22 ноября 1916 г.

Сегодня нам предстоит идти на позиции. Последние дни почему-то мало отпускали сахара и приболтки к супу: картошки, муки, круп и пр. Сегодня на ужин солдатам дали «воду с мукой». Я приказал роте одеваться, а сам ушел в блиндаж. Вдруг слышу: «Не одевайся! Не одевайся! Не пойдешь на позицию! 13-я рота — <...> уже оделась — раздевайся! и т. д.» Начало разноситься по всему биваку. А в 10 роте с криком «ура!» бросились на фельдфебеля и избили его за то, что тот вздумал какого-то солдата ударить. Собрались солдаты толпой и пошли к ком[анди]ру полка. Он вышел, выгнал их. Один из офицеров выхватил шашку. По всему биваку загредело: «В ружье!». Солдаты бегут к винтовкам. В 5 р[оте] начинают заряжать винтовки. Но скоро всё утихает.

<...>

Вскоре рота за ротой мы потянулись на позицию. Отъехав в сторону, я горлом напоролся на колючую проволоку, ободрал кожу. Слава Богу, обошлось благополучно, могло быть и хуже. Дороги были хорошие, был небольшой морозец. Проехав с 2 часа на лошади, я почувствовал, что ноги очень замерзли. Слез с лошади — посадил на нее взводного, а сам пошел пешком. Вот уже эти Волынские болота: попались нам на пути каналы, я случайно перешел на другую сторону, а солдаты пошли прямо и в конце концов зашли Бог знает куда. Перепрыгивали через болота, но главный всё еще шел, и, главное, не в ту сторону, куда пошла головная рота. Тогда наши солдаты ложились животом на еле замерзший канал, а другой за винтовку тянул на берег, но частенько и проваливались, и вылезали как мокрые курицы из воды. Почти у самого Бабы[го] наши галдевшие солдаты собрались и дальше тронулись все вместе.

Наш батальон встал в полковом резерве. До прот[ивни]ка 2 версты.

26 ноября 1916 г.

Недолго простояли мы в резерве, да и то каждый день ходили ночью на работы, хоть и неохота было, но ничего не попишешь. Как-то на днях принес Чавычало свою скрипку, вышли мы наверх и давай плясать, я тоже схватился с Ткаченком (вестовой) польку. Ильтубский спел и сыграл свои песни «Алена бакче малмала, чичка огарэна

лалмалэ», мы до упаду хохотали, уж больно комично. Было весело, но нужно было идти на работу, и вот под марш на скрипке Чавычалы мы тронулись в путь и так быстро отработали, что в 11 час. веч[ера] уже посиживали по своим блиндажам и распивали чай. При желании всегда можно скоро кончить работу, только скоро туда идти, а уж оттуда солдаты не отстанут, а уж если я зашагаю впереди, то только успевай.

Еще на полковом отдыхе ко мне прибежал Зуер (вестовой) и говорит: Чавычало (конюх) скрипку принес. Я вышел, гляжу, действительно, самодельная скрипка, струны из телефонного провода и смычок из волоса. «Тьфу ты, проклятая, — говорит Чавычало, — не могу отыскать белой лошади, отрезать кусочек хвоста на смычок, даже канифоль есть — кусочек ладана». Невольно начнешь смеяться, услышав о таких примитивных устройствах скрипки. Он начинает наигрывать что-то веселенькое, кругом собирается толпа солдат. «Ну барыню», — кричат из 2 роты, и Чавычало начинает ловко выделять барыню, смотря с какой-то загадочной физиономией в совершенно противоположную сторону, а в это время в образовавшемся уже кругу отчеканивали «русского», а насчет скрипки и поспешившего на место пляски бубниста сыпались разные остроты и колкости. Пообещали достать ему хороших струн и канифоль.

Часов в 10 веч[ера] мы были уже у ком[анди]ра 6 роты для смены, пока рота сменялась, я узнал, что живут сравнительно мирно и друг друга не стреляют, это хорошо, а то бы житья не было, ведь всего 70 шагов до «его» окопов, только разделяет Стоход да 2 ряда рогаток, которые можно свободно перетащить, перевязав за балки, в свою сторону²⁶.

²⁶ В качестве примера приводим выдержки из донесения временно командующего 15-й ротой прапорщика Себолевского от 6 декабря (23 ноября) 1916 г.: «15-я рота занимает участок по фронту длиною 220 шагов. На правом фланге участка один ход сообщения, который ведет на заставу, выставляемую от 14-й роты; ход сообщения в плохом состоянии, в некоторых местах накладной, наполовину разрушенный и низкий. Левый фланг роты непосредственно связан со 2-й ротой 407 п. <...> Землянок для ниж. чин. имеются 21; землянки очень малы, вмещают от 4 до 5 человек.

Убежищ... не имеется. Пулеметных гнезд два. Необходимо еще надо сделать две открытые пул. площадки. Укрытий для пулеметчиков два. Один противогазный ровик, тянувшийся по всему участку параллельно окопам. Ровик наполнен соломой и дровами очень скудно и нет запаса. На правом фланге

На следующий день днем я, придя из своего блиндажа, который был за 500–600 ш. от роты, поразился близостью окопов против. Австро-германцы свободно расхаживали поверху, будто бы нас и нет. Я было схватился за винтовку, но потом раздумал, увидя, что и наши солдаты так же свободно шатаются, как и они. Я воспользовался мнимым перемирием и залез в секрет с биноклем, отлично осмотрел их уч[аст]к и начал снимать схему их уч[аст]ка, но в это время появился против меня какой-то герман. Я думал, будет стрелять, а он, оказывается, занимался тем же, чем и я, и мы, не обращая внимания друг на друга, продолжали свое дело. До того хорошо видно, что даже видно, что делается у них в окопах, вот дневальный ходит из угла в угол по окопу, вернее, марширует от мороза, и наши уже давай ему подсчитывать: «Ать! Два!». Я просидел на посту до самого света для того, чтобы увидеть, где их посты и заставы, и нашел, и затем свободно, размахивая тросточкой, пошел вдоль заграждения в окоп, и ни одной пули... Мы забыли про существование ходов сообщения, дули прямо поверху, но раз над нами запели тяжелые, пришлось искать свои места.

Сегодня видел «его» офицеров, они что-то рассуждали наверху, я высунулся из окопа с биноклем, они увидели и поспешили убраться. Наведешь бинокль и видишь улыбающуюся рожу, что-то говорящую и машущую рукой.

28 ноября 1916 г.

Вчера вечером получил бумажку для пропуска для переговоров с немцами наших чехов-разведчиков. В 8 час. утра я, придя на правый фланг, увидел облокотившихся на бруствер разведчиков, уже кричавших герману, они отвечали. Через $\frac{1}{2}$ часа в «его» окопах было полно, все глазели, наши разведчики пошли к Стоходу, от них отделились 4 немца, один без винтовки пошел к реке. Наши дали ему хлеба, сахара, а он табаку, рому. Наши уже заметили, какого он полка и т. д.

Конечно, и наши глазели тоже всюю, и если бы провести пулеметом по его или нашему брустверу, то больше половины бы легло.

участка в прорыве есть два ряда проволочных заграждений, местами совершенно разбитые, вследствие чего немедленно и необходимо надо исправить

Вдоль окопов два ряда рогаток. На 450 шагов вперед выставляется застава, которая обставлена одним рядом рогаток. Рогатки, как первые, так и другие, не связаны между собой. Заставу надо обставить хотя бы еще одним рядом рогаток». См.: РГВИА. Ф. 2954. Оп. 1. Д. 23. Л. 8–10.

К обеду все рожи уже исчезли, только наблюдатели да интересующиеся прот[ивнико]м солдаты время от времени высовывались, чтобы лучше рассмотреть, что ему надо.

Солдаты, как бы испытывая его, изнахалились до того, что оправляться вздумали некоторые около заграждения, среди бела дня.

29 ноября 1916 г.

Сегодня опять час. в 8 утра наши чехи-разведчики начинали с нами разговор. Вот они уже опять сошлись у речки. На этот раз уже австро-германцев набралось чел[овек] 30, они так и забегали из окопов к речке и обратно, когда наши начали давать им хлеба и сахара, а они тащили сигар, рому, табаку и пр. Недаром вчера с поста кричали: «Пак! Приходи завтра, дадим рому, сегодня получили!». Как они набрасываются на хлеб — ужас, наверное, мало дают, — они говорят, что по $\frac{1}{2}$ ф[унта] на человека. Так по несколько человек и налетают на хлеб. Одеты плохо, по-летнему, жмутся от холода. Я за всей этой картиной наблюдал почти у заграждений, вдруг получаю от подпор[учика] Кобелева записку — сейчас же прекратить сходы, иначе буду стрелять залпами. Я, конечно, быстро успокоил его горячность, он вообще слишком горячий, но без толку.

Исполнив свою миссию, разведчики ушли, предлагая мне рому и коньяку, но я отказался от всего немецкого. А австрийцы стоят толпой на берегу и так жалобно смотрят на нас, я им кричу: «Ком хэр», но перейти речку нельзя, сзади свои пулеметы и нач[альст]во. А уже нашему солдату только дай волю, они уже сами хотят нести хлеб, но я строго-настрого запретил всё.

Однажды вечером нам принесли прокламации для передачи их немцам (на немецком и французском языках). Хотели передать утром, но их дневальный закричал: «Пак! Нельзя, офицеры». А вечером подползали к реке и звали. На следующий день всё-таки передали завернутыми в кальсоны и с хлебом. В следующие дни они уже не так звали нас, наверное, офицеры прочитали прокламации и запретили сходы.

А ночью они бросили румын[ские] бомбы себе назад, наверное, чтобы не рассердить нас, а бомбы приказано бросать. В общем, стоять было хорошо, только какая-то винтовка с соседнего уч[аст]ка усиленно брала на мушку людей нашего уч[аст]ка. Раз под аккомпанемент Чувывалы мы принялись наверху танцевать, вдруг пуля... фють!!! Мигом мы очутились в окопах. Ну, думаю, мерзавцы, попадет и Вам, взял винтовку

и пустил 4 пули в 5 чел[овек], болтавшихся наверху. Со 2-й пули уже стали убираться в окопы, из 4-х один — последний усиленно нырнул носом в окоп, думаю, подранил. А «он» до того пристрелялся и бил чуть нам не в дверь.

Сдал роту старому офицеру полка подпор[учику] Панкратову, молодому и симпатич[ному] человеку.

Был на том месте, где нас завалило миной, и следа от блиндажа не осталось, только дыра да воронка.

Раз вытащили мы гармонь, да и давай наигрывать и плясать днем в 1-й линии, а «герман» высунулся и слушает.

6 декабря 1916 г.

Ночью наша рота сменилась и пошла в прежний резерв. Пришли на прежнее место, но блиндаж оказался для 3-х мал, а я, не желая вытурять пр[апорщика] Александрова как самого младшего, нашел себе другой, солдатский, кое-как переспал ночь, а на следующий день только принялись устраивать блиндаж и доставать дров, которых было чрезвычайно трудно отыскать, т.к. леса не было, дров не подвозили, но стояли халупы, которые было строго запрещено разбирать на дрова — оставалось одно, растаскивать халупы, не мерзнуть же. И вот, очнувшись, стерегший 2 халупы полицейский с ужасом замечает, что обеих халуп нет, они уже весело потрескивают во всех ротах и командах.

Вызывает адъютант к телефону — узнаю, что назначен вр[еменным] ком[андиром] 11 роты, жаль на время расставаться с ротой. Через несколько минут я с вест[овым] Ткаченко шагал в 11 роту, которая стояла в резерве за 2 бат[альоном].

13 декабря 1916 г.

Понять не могу, что такое со мной, откуда у меня появилась такая смертельная тоска и грусть... это прямо ужасное положение, я уже на другой день хотел просить о переводе во 2-ю роту, вот что значит привязаться к людям. Некуда от тоски деться, никуда не убежишь от нее. Вчера было у герман Рождество, и наши усиленно бросали ему гостинцы — рождественские подарки — снаряды, да еще удушливые, поздравляли с праздничком.

В штабе полка было объявлено, что наш полк переходит на новую позицию левее к кол. Ворончик и Юльяновка.

Поехали мы туда днем на лошадях. Я страшно не хотел ехать, очень плохо себя чувствовал и был флюс, но всё же поехал.

Штаб полка устроен комфортабельно в барской усадьбе, шикарный дом, столы, стулья, кровати, диваны и пр.

Участок скверный из скверных, весь на болоте, окопы одна стенка, которую пуля прошибает, где угодит, в блиндажах вода, сверху капает, кругом болото непроходимое. Прийти туда возможно только по гати — сошел с гати — пропал... До штаба 3 версты, до резерва 2 версты.

Прямо на погибель полк — голыми руками, если захотят, задерут. Участки большие, людей мало, заграждений почти нет, в окопах вода, даже невозможно стоять. Здесь артиллерийской подготовки не надо, а лишь провести пулеметом и иди, назад не удерешь... и, в общем, смерть во всех случаях.

Было уже совершенно темно, когда мы приехали в штаб полка, я остался у Якунина, напился чая и стал ждать роту. Чувствовал себя прескверно, товарищи заметили, посоветовали ехать в лазарет. Поручик Кондратюк тоже расстроился желудком и пр., над ним все начали надсмехаться, он, конечно, поднял ругню. Докладывает ком[анди]ру полка, что он болен и я, нельзя ли нам уехать в лазарет. Полк[овник] разрешил, и вот мы с Кондр[атюком] кое-как отыскиали фуру и потащились в околоток. Когда садились, встретили на лошадях ком[омандиро]в рот 1-го бат[альона], я молчу, чтобы не узнали, еще, чего доброго, будут смеяться. А Кондр[атюк], злой, под насмешки штабных ушел из блиндажа. Я отчасти не хотел ехать, как-то было совестно без серьезной болезни удирать.

Эх! Каково же ехать тяжелораненым по такой дороге и в такой «санитарной» линейке, здесь больной еле выдержит. Линейки, как бронированные, ни одна перекладина не треснула, хотя он нас 2 раза вывалил — без рессор, — в общем, ничего общего санитарного в них нет, разве только красный крест, красующийся с боков.

В околотке попили чая у врача и отправились дальше. В Доросино — обозы I-го разряда, забрались в какой-то блиндаж и переночевали. На следующее утро явились к старшему врачу. Пришлось ждать целый день — линейки, которая отвезет нас в лазарет. Погода прескверная: снег, грязь, я то и дело выхожу из халупы, в которой уже помещается врач 4-го Турк[естанского] полка, но ее нет. В душе я ругал на чем свет стоит нашего крайне несимпатичного еврейчика — Бренева, и вот дождался — телеги, простой телеги, вот негодяй, для больных офицеров присылает телегу. Делать нечего, пришлось ехать. Укутались с головами в лошадиные попоны и покатали. Трясло невероятно.

Дотащились во 1–102 див[изии] лазарета. Там уже лежали 405-х — подпор[учик] Родзевич, — симпатичный, но алчущий денег. 408-х — пр[апорщик] Ященко, парень хороший, и старш[ий] вр[ач] 407 полка, уже солидный господин Гедимнир. Лазарет помещался в халупе — со всех сторон продуваемой ветром — в бывшей жидовской корчме в дер. Кроватки. Всего 12 вер. от передовой линии, но всё же спокойнее, чем там. А вчера был как раз переход на ту Богом проклятую позицию. В общем, я словчился. Лазарет устроен хорошо. Масса блиндажей. Церковь, библиотека, театр и пр. Но главная примечательность — «стурублевая». Рассказывают, что какой-то прапорщик искусил ее ста рублями и уехал. Она явилась в полк, рассказала про всё ком[анди]ру полка, и тот принудил прапорщика заплатить. Подкрашенная, подрумяненная, она щеголяет в ярком платье по деревне. Здесь масса жителей и девок. По дороге то и дело тянутся обозы, проходит маршевая рота и пр. Недалеко помещается Казанский отряд (Присяжной адвокатуры) — с 5-ю сестрами, но все они на вид невзрачные. Страшно! Почему-то теперь у всех установился взгляд, что сестры мил[осердия] ведут себя чрезвычайно скверно и показали себя с самой худшей стороны. Отчасти это и правда, ведь было время, что в сестры брали чуть ли не кого попало. А что это за невесты из сестер появились даже у высшего нач[альст]ва в д[ействующей] армии. Неужели солидные люди, имеющие такие звания, еще не женаты. И вдруг на старости лет в д[ействующей] армии вздумали отыскать невесту²⁷. А сколько молодых офицеров женилось на сестрах в лазаретах — почему? Правда, есть такие женщины, которые самовольно надевают костюм сестры и, конечно, срамят его. Да! Картина не из важных. Конечно, не все таковы — есть сестры, которые действительно исполняют свой святой долг отлично. Я даже знал такую особу в Петрограде, которая распевала «ужасные» песни, а через несколько месяцев увидел ее сестрой, конечно, от такой ничего путного не выйдет. Да и вообще не только сестры, а вообще женщины, преимущественно молодые, и, к сожалению, гимназисточки, очень и очень скверно показали себя в эту войну. В деревнях мало осталось цветущих мужчин, и они рады (девушки) «каждому встречному и поперечному» и атакуют его толпой. Ревность! Драки! Ссоры! Царят у нас в деревнях. А сколько у нас появилось маленьких австрияков от женщин, поддающихся соблазну австрийцев. Эти мерзавцы пользуются отсутствием мужей,

²⁷ Современные исследования во многом подтверждают этот вывод. Подробнее об этом см.: *Асташов А. Б.* Указ. соч. С. 616–639.

отцов и братьев. Солдаты, приезжающие из отпуска, жалуются на своих девушек и жен. «Жаль, — говорит, — что я не взял бомбы, я бы их разогнал». Очень недовольны солдаты и тыловыми мародерами. Вообще отпускные солдаты ведут себя ужасно, но это можно объяснить и тем, что на железных дорогах нет поездов и им приходится ехать на паровозах-тендерах, на крышах вагонов. Их арестуют и пр., но все они — отпускные, один за другого, и загалдят. Выбивают окна, двери, не боятся никого на свете. Некоторые возят домой бомбы, и нередки случаи, когда они в вагонах разрываются.

<...>

24 декабря 1916 г.

Вот уже и Рождество Христово. Как жаль, что приходится встречать его здесь — в лазарете, а не дома. А погода, т. е. ночь, дивная, луна сияет, но почему-то, глядя на эту сияющую луну, я всегда вспоминаю Марусю Шумилу, неужели действительно я ее полюбил и так сильно, что вспоминаю каждый Божий день. Что меня к ней так привлекает? Что меня так влечет к ней? Как только выйду в лунную ночь на улицу и взгляну на луну, обливающую мир земной своим белым светом, мигом вспоминаю наши свидания в Михайловке, наши прогулки ночью по степи — те жаркие и страстные поцелуи. Но я ее так любил, так жаждал увидеть ее... и никогда не допускал мысли о том, чтобы перейти дальше поцелуя и объятий, ведь она такая славная, такая доверчивая и отвечает теми же чувствами по отношению ко мне.

Раз как-то мы разговорились о женитьбах, и я пришел к заключению, что лучше жениться раньше, нежели испытаешь скверные стороны жизни. Я думаю, что Маруся отдала бы свою жизнь мне, так же, как и я ей свою. А что за жизнь, когда человек, прожив годов 30 на белом свете, вздумает жениться — он уже не тот, которому суждено создавать новое поколение. Ведь прожить 30 лет в 20-м веке — это просуществовать более половины своей жизни. А у нас говорят: «Поживу как следует годов 25–27 и женюсь», да, но прожив 27 лет, он уже никуда не годен.

Правда, женившись 19–21 лет, будет масса жизненных соблазнов, но ведь под боком супруга, которая, я думаю, будет стеречь каждый шаг своего молоденького муженька.

Выйдя и в эту тожественную рождественскую лунную ночь на улицу, я вспомнил о ней. Вспомнил мою славную и дорогую мамочку, единственную женщину, которая так заботится обо мне, которой

действительно нужна моя жизнь, ведь легко сказать: мать и сын, а что скроется в этих двух словах, какие чувства, стремления... О Боже мой: если бы дожить до конца этой ужасной гибели людей и порадовать мою славную мамочку чем-нибудь. Иной раз я бы с удовольствием пошел на разведку или куда-нибудь в опасное место, но всегда меня сопровождает вопрос: «А мама?». Ведь мне самому не дорога моя жизнь, а я боюсь, что будет с мамой, если она узнает, что я убит... она уже немолода, видала немало горя, и Господь знает, что может случиться. А я ее так люблю, так уважаю, что невольно бережешь свое существование²⁸.

Чего я только ни передумал в эту тихую ночь, идя по кол. Кроватки по тихой улице. Всякие картины себе представлял: наверное, мама сидит сейчас дома, ведь она, бедная, больна, и думает о нас — ее семье, ей то-то несладко.

Наверное, удастся скоро попасть в отпуск, тогда увижу всех...

25 декабря 1916 г.

Сегодня Р. Хр., но что значит этот Великий праздник здесь, в действ[ующей] армии, такой же будний день, как и другие. В России другое дело, там является и праздничное настроение, и чувство.

Вдали орудия громыхают так же, как и в предыдущие дни.

Только Кроватские девчата принарядились и разгуливают по деревне.

* * *

Карты, карты, как много в вас зла, которое часто переходит в безумие и даже далее...

27 декабря 1916 г.

По нашей просьбе перед доктором я с прапорщ[иком] Гадиным — вполне здоровые, остались провести Р. Хр. в лазарете. Прибыл сюда еще пр[апорщик] Новиков, они трое любители преферанса, а я один оставался. Не вытерпел, от скуки я сегодня уехал в полк.

Полк стоял на позиции, от кол. Юльяновка до бол. Подболотье, на той ужасной и скверной позиции, от которой мне удалось удрать.

²⁸ Отметим, что в декабре в целом разведка полком велась неудачно. Основные причины: многочисленные вражеские посты, бдительность противника и близость наших окопов. В окопы врага можно было проникнуть только боем. См.: РГВИА. Ф. 2954. Оп. 1. Д. 23. Л. 24.

До штаба дивизии 102-го доехал на подводе, а здесь, наигравшись досыта на раздобытом где-то пианино, я с ординарцем поскакали верхом в штаб полка. Штаб полка помещался там же, где и раньше, в барском дворе. Назначен опять вр[еменным] ком[андиром] 2 р[оты]. Остался ночевать здесь. С Парамонычем сходили в баню — здесь раньше была, вероятно, мельница или завод, в общем, виден какой-то механизм. Баня устроена хорошо, и мы помылись на славу. Только белья у меня не было, пришлось надеть солдатское. Напившись чая, я с Парамонычем расположились на одной кровати, и хотя перекладина кровати сильно давила мне бок, я скоро заснул. Спал неважно.

28 декабря 1916 г.

Напившись чая и облачившись в шинель и пояс с револьвером, я пошел в роту. Там, насколько я заметил, солдаты были довольны моим возвращением, особенно вестовые. Рота стояла во 2-й линии. А на позиции стоит лишь всего батальон — на такой громаднейший уч[аст]к. Недаром у нас говорят, что этот бат[альон] на «съедение», и действительно так. Только что я пришел, как докладывают, что идет нач[альни]к дивизии. Я встретил с рапортом, но не мог сказать, сколько в роте землянок, т. к. и сам не знал. Через несколько дней в приказе по дивизии оказалось, что другие роты были еще хуже, а про меня было так: «На уч[аст]ке 2 роты было и охранение, и наблюдатели, и вообще видно, что служба несется исправно, но ком[анди]р 2 роты не смог сказать, сколько у него в роте землянок, опираясь на то, что только сейчас принял роту».

Часов в 10 веч[ера] пришли нас сменять роты 408-го Кузнецкого полка, а часов в 11, собрав всю роту, мы под музыку — гармонь тронулись в штаб полка. <...>

31 декабря 1916 г.

Итак, наконец-то наш полк в резерве, но этот резерв, пожалуй, еще хуже позиции — 5 рот стоят на позиции, а остальных каждый день на работу. Ах уж эти работы! Они еще более утомляют человека, чем стояние на позиции. Иногда еще и поужинать не дадут, а уже ступай и работай. Дадут урок: по 3 бревна или 6 жердей отнести из леса на передовую линию. А то засыпай бруствер, когда земля промерзла на $\frac{3}{4}$ аршина, кирки ломаются одна за другой, лопаты тоже, а работай, «хоть зубами копай, а сделай», как говорит ком[анди]р полка, и солдаты долбят, долбят закоченевшую землю. Или еще: вырубить впереди заграждений для

лучшего обстрела мелкий кустарник и камыш. Работали почти одними лопатами и руками — болото хотя и подмерзло, но проваливаются, и солдаты то и дело вываливаются из виду. Но всё же вырубил 250-х в длину и от 50 до 80-х в глубину.

Эх! Трудно теперь работать. Сколько труда зря пропадает.

К нам назначен новый ком[анди]р бат[альона] ротмистр Кавальдин — глубоко верующий, чуть даже не фанатик. Уже седой — 55 лет. И заставляющий своих подчиненных так же верить в Бога, как и он. Соберет вокруг себя солдат и говорит проповеди, которые вполне подошли бы к хорошему собору. Он говорит: «Я, дорогие братцы, не требую от Вас ничего, кроме того, что требует от меня Царь Небесный, Царь Земной и начальство. Я Ваш ком[анди]р бат[альона] — и отвечаю за Вас перед Богом и Царем. Не ругайтесь, братцы! Грешно! Пойте молитвы, молитесь Богу. Когда Вы ругаетесь по-матерски, Вы оскорбляете Бога, Божию Матерь, Мать-Россию и Мать, которая тебя родила» и т. д. Очень любил, чтобы прибавляли ко всему: «Слава Богу». А если входишь в блиндаж, снимай шапку, а то задаст перцу. Солдат призывает к себе — раздает евангелие, иконки, крестики, молитвы и т. п., и офицерам то же самое: «Вот, — говорит, — Вам сладенькое, но не думайте, что для тела — нет — для души». Достал большие иконы, построили часовню и утром и вечером весь батальон поет молитвы. Когда он заходит в один блиндаж, в другом уже и иконки расставлены, и молитвы поют и читают, он, конечно, остается доволен.

Но раз он заметил, что к его приходу всё подстроено, и здорово выругал ротного, конечно, проповедным языком. В походе идет впереди с иконой, а перед походом всегда молебен. «Снаряды, — говорит он, — поют о грехах Ваших». Иногда любит покричать, но сам потом говорит: «Я вижу, что Вы на меня сердитесь» и т. п.

Вообще симпатичный старичок.

* * *

Очень меня беспокоили два происшествия: 1) мл[адший] ун[тер]-оф[ицер] 2 р[оты] Федорушка был уволен в отпуск на 15 дней, я попросил отвезти мою шинель и сапоги домой (в Сиверск). Он всё исполнил, но возвратился 25-го декабря, опоздал на 10 суток. Ком[анди]р полка отдал его под суд. Но я скоро всё уладил, и это дело было прекращено.

2) В штаб полка пришло письмо, вскрытое военной цензурой и с официальными бумажками из штаба корпуса и дивизии: «Отыскать автора». Письмо было адресовано на имя одного из солдат: «Я служу

в 405 полку во 2-й роте, мы сходимся с противником, они дают нам ром, сигары, а мы им хлеб, сахар. Они говорят, что Ваши правители с нашими пьют вино. Недовольны Вильгельмом. В Гос[ударственной] думе одна буржуазия. Все новые налоги будут драть с нас же. В России какой-то..., а в Петрограде живут одни...». Подпись Андрей Васильев. К.

У нас в роте есть Анд. Вас. Кулик, но он певчий и категорически отказывается от письма.

Пока дело что-то замолкло.

1 января 1917 г.

Вот уже и Новый год, год, наверное, как все говорят, последний войны. Дал бы Бог скорей кончить эту войну.

Новый год встречали в собрании, но невесело прошла эта встреча, вина не было, а главное, не было барышень, которые могли бы разве-селить нашу новогоднюю встречу. Кричали «ура!», пели гимн и т.д., но всё это было как-то сухо. Офицеры 1-го бат[альона] поживились винцом, дал Кавальдину по бутылке «Бессарабского». Хоть немного, но все-таки понюхали.

* * *

3 января 1917 г.

После обеда наша (2-я) рота сменила резервную 1-ю роту. Вче-ра вечером работали здесь до 4 час. утра. Я думал приклонить голову у Кобелева, но когда пришел, они спали, я не стал их беспокоить и по-шел к солдатам — старым знакомым, и завалился рядом с ст[аршим] ун[тер]-оф[ицером] <...> спать. Час. до 3 спали, потом я забрал роту и к 4 час. были дома.

Позиция в густом лесу, основная линия на опушке леса, впереди непроходимое болото, хотя теперь проходимое ввиду того, что сильные морозы и оно замерзло, и наши и его разведчики путаются по ночам там. Окопы наносные, вообще позиция устроена пока неважно. Резерв-ная рота стоит за 1500 шаг. в тылу. Тут большие бараки — блиндажи, масса пустых блиндажей, которые содержатся в чистоте. Везде проде-лали дорожки, усыпаны песком и обсажены елками. Масса снегу. И хо-лодок порядочный. Рота выставляет заставу на левом фланге полкового уч[аст]ка, правда, там прочные заграждения, но по болоту идет прорыв, иногда идешь поверять заставу, а сам косишься в кусты за заграждения и думаешь: «Того и гляди дадут залп и пропадешь ни за грош», а рука уже лежит на револьвере, остается только нажать спусковой крючок.

Застава оборудована неважно, окопы плохенькие, но теперь замерзли и представляют грязную стену. Сквозь крышу блиндажей протекает вода.

Как оригинально выходит: нам запрещено вырубать лес на дрова, а герман с каждым снарядом прибавляет нам бесплатных дров, разбивая деревья. Мы помещались тоже в бараке, в одной половине мы, а в другой вестовые, фельдфебель, писарь. За стеной то и дело слышится гармошка, смех, пляска. Иногда зайдешь к ним — веселье поднимем, пляску.

А ночи темные-темные, наверное, по ночам здесь в мирное время и человек не ходил, а теперь масса людей. До заставы идти версты полторы, и по правде скажу, что один я не пошел бы по лесу на заставу. Жуть какая-то берет.

В общем, стоять на этом уч[аст]ке было довольно спокойно.

13 января 1917 г.

Весь этот промежуток времени рота ходила ночью и днем на работы — работы бывали и скверные, и хорошие, но в общем ходить на работы не дай Бог. Солдаты очень утомляются. Как ни говорить, все-таки <...> надо на позиции, силы стало вдвойне меньше, да еще иногда погонят, не поужинавши. Солдаты тихо ропщут, но ведь и мы такие же маленькие люди, чтобы хоть чем-нибудь помочь им.

Перед уходом на позицию рот[мистр] Кавальдин выстроил батальон для молебна, который вскоре и отслужил полковой священник. Затем пошли на позицию. Впереди батальона шел Кавальдин с иконой.

У резервной роты Кавальдин сказал речь: «...Грудью держи врага, братцы» и пр.

Позиция на опушке леса — впереди болото, до прот[ивни]ка 1000-х — 3000-х. Окопы скверные — наносные. Почему-то раньше их не сделали, а зимой, когда земля на аршин промерзла, вздумали их укреплять. Кирки, мотыги, лопаты, топоры в невероятном количестве ломаются — работа плохо подвигается, особенно в темные ночи, но надо продолжать работу. «Хоть зубами грызите, а делайте...» — говорит ком[анди]р полка. И мы работаем до рассвета.

Заграждения прочные, но я все-таки считаю этот уч[аст]к непрочным.

Каждый день «он» бьет сюда шрапнелью и на удар — легкими — это ужасно противно. Вечером сыпет, как героям, — разрывными пулями, — они с небольшим огоньком и треском рвутся о деревья.

15 января 1917 г.

Наблюдатели заметили вблизи прот[ивни]ка плакаты. Вечером два охотника, причем один из них в моей простыне за неимением холстов, отправились за ними. Через два часа эти прокламации были у нас. Их было 4 пучка, в каждом: 1) Солдатская песня «Три деревни, два села, восемь девок, один я» и т. п., потом говорят об измене, о том, чтобы мы сдавались и пр. грязные слова; 2) Приказ по Австрийской армии и 3) Речь канцлера. Вообще эти прокламации — лишняя трата бумаги — кто захочет удрать, тот и без прокламации удерет, а кто не хочет, того и калачом не заманишь. Мы помещались в скверном блиндаже, спали на земле, сверху вода капает, с боков грибы и зелененькая травка растет, снизу вечный дым от ужасной печки. Окна нет — две недели сидели без света. Житье!!!

Высчитывали очередь в отпуск, но он еще далек от меня. Уехал в отпуск пор[учик] Васильев III, недавно только приехал, поправившись от какой-то сказочной болезни — внезапной болезни перед боем, и вдруг теперь в отпуск... это низко, не по-офицерски — задерживать очередь офиц[еров], так долго жаждущих отпуска. Не ожидал.

18 января 1917 г.

От каждого полка нашей дивизии отнимают по батальону для формирования новых полков — 154 дивизии. От нашего полка уходит 4 бат[альон]. Почти все старые офицеры хотели уходить из-за штаба, ведь он у нас немножко скверный.

От нас уходит рот[мистр] Кавальдин. Теперь уже не будет кричать: «Бодрствуйте», а сам без штанов лежит.

* * *

Наш бат[альон] ушел в резерв. Я ввиду миниатюрности общего блиндажа поместился отдельно. Блиндаж хороший, но внизу хлябает вода, стенки покрылись плесенью, но я остался в нем жить — тихо, один, сижу себе и пишу дневник, никто не помешает. Обедаю иногда в собрании, но хожу туда только потому, что там музыка, хочется послушать какую-нибудь задушевную вещичку, если бы не было оркестра, я бы не ходил. Захожу к Парамонычу, нашему коменданту и хозяину собрания — славный человек, из учителей, любит музыку, на этом мы и сошлись. Всё мечтает о том, как кончится война — купит скрипку и будет заниматься. Захожу и к пор[учику] Рыжному — нач[альник] ком[ан]ды пеших разведчиков, тоже любит музыку, накупил нот, гитару, сольфеджей и теперь всё сидит дома и распевает.

<...>

28 января 1917 г.

Сегодня наш полк опять встал на позицию — Волосовка, ур. Жуки. Уч[асто]к нашей роты на правом фланге полка. Окопы так себе. 407-й полк, по-видимому, нисколько не старался их улучшить. Даже офицерские землянки, и те без дверей и накатов. Простая 3-дюймовка их пробьет. Уч[асто]к длинный 1800-х, а штыков 120, и притом справа прорыв на версту и слева сажень на 15-ть. Хорошо, что хоть заграждения хорошие. Посты стоят друг от друга от 80 до 120-х, в ненастную погоду не видно друг друга. А ведь тут вся надежда на посты. Прислали пополнение — старики 35–38-летние, некоторые похожи на солдат, а некоторые, несмотря на свой солидный возраст, прямо сопляки, трусье! Старые солдаты расходятся по разным командам, как штурмовая, саперная, в сапожники, маляры, мастера, колодезники и пр., и, конечно, все стараются удрать и остаются самые плохие. Не знаю, к чему такое дробление роты?

<...>

Еще в резерве офицеры собрались в собрание провожать бригадно-го генерала Давыдова, уходившего в конную артиллерию. Все ужасно жалеют уходившего от нас генерала, который провел все бои с полком со дня формирования полка. Все сидели за столом. Музыка спокойно играла разные вещички. Произносили тосты, пожелания и пр. Но вот ком[анди]р полка встал и объявил: «Господа! На 18-м уч[аст]ке противник наступает, попрошу к ротам», и он спросил разрешения у генерала. Все ушли, вышли, я немного задержался, с генералом осталось 3–4 человека, он уже оделся и хотел уезжать. Я вышел на улицу, в воздухе слышался гул орудий... Роты уже оделись, но выступить не пришлось, т. к. «его» отбили.

Все вернулись в собрание и окончили проводы, которые кончились таким оригинальным финалом.

1–3 февраля 1917 г.

До чего я ждал отпуска, это прямо ужасно... Со всех сторон то и дело спрашивали, скоро ли я уеду. Я в свою очередь справлялся в штабе полка, не приехал ли кто из отпусковых, а главное, шт[абс]-кап[итан] Низяев, но его всё не было. К отъезду я уже совсем приготовился, но сегодня вечером беру трубку телефона и слушаю. Предлагают отпуск или командировку в авиацион[ные] наблюдатели. После некоторого колебания я отказался от отпуска. Жаль было его, но та служба лучше. Только когда нас потребуют? Отпуски закрыты до 14-го февр[аля].

4 февраля 1917 г.

Пришлось идти в штаб полка на медицинское освидетельствование для пригодности к авиационной службе. Были у доктора — выдали удостоверения — оказались годны. До чего же не люблю это шатание по ходам сообщения, если бы они были хоть хороши, а то прикрывают только ноги. Да притом еще здесь прорыв, пули так и поют.

<...> Был запрос, нет ли желающих офицеров в штурмовую команду. Я с Шуст[иковым] согласился лишь вместе, а иначе нет. Прап[орщик] Александров ушел в шт[урмовую] ком[ан]ду. Эх! Не блиндаж, а горе, да еще печка дымит, хоть маску надевай. Вся надежда на отпуск пропала, я перестал думать и об отпуске, и о командировке, т. к. тоже не надеюсь туда попасть.

Чуть не подстрелил своих разведчиков. Я пришел в секрет у проволочного заграждения и начал вновь прибывшему объяснять устройство бомбы. Видим, шагах в 150 силуэты у проволоки. Я кричу: «Кто идет?» — молчат, я еще раз, опять молчат, солдаты направили туда винтовки, я револьвер, а оттуда кричат: «Свои!». Оказывается, они заблудились и, наверное, не желая себя открыть, не отвечали. Ведь подстрелили бы кого-нибудь.

А то пошли наши рот[ны]е разведчики в белых халатах, и с соседней роты тоже, на нейтральной полосе они столкнулись, кричит: «Кто?». Каждый думает, что немцы. Наши отвечают: «Свои!». Не верят, говорят: «Сдавайся!», тогда наш ун[тер]-оф[ицер] поднял вверх руки и пошел к ним, и тогда только они мирно разошлись.

5 февраля 1917 г.

Я дежурил, т. е. должен был всю ночь бодрствовать, проверять посты и т. п. Прибегает дежурный и докладывает: «Немецкая разведка, против правого фланга!». Я туда. В кустах что-то есть. Направили пулеметы туда. Эх! И хорошо же работают наши пулеметы, не то что немецкие, как пьяные, заплетаются и спотыкаются. Немцы, конечно, удрали.

Часа в 4 утра немцы открыли по 4 роте и нашему левому флангу ураганный огонь. Хотели снять заставу — застава отошла в окопы и открыла огонь, прогнали. На другой день опять, но теперь не отошли, а покروшили их, один немец висит на проволоке, другого раненого притащили в окопы и лежат еще двое убитых, может быть, есть и дальше, но не видно, т. к. курстарики.

* * *

Как интересно идет фронт, стоит оглянуться назад, и там тоже светятся ракеты. И это явление почти на каждой позиции.

* * *

Утомительно стоять долго на позиции — целый месяц. И всё одно и то же. С наступлением вечера приходят дозоры с записками, ходим по прорывам. Телефонисты то и дело принимают телефонограммы. До сих пор у нас еще не положена телефонная связь, во время сильного обстрела провода обязательно рвутся, и рота отрезана от всего полка. Хорошо хоть выдали сигнальные ракеты для вызова артиллерии.

<...>

10 февраля 1917 г.

Утром произошел несчастный случай, один старый солдат 35 л. взял бомб, зарядил и спустил оба предохранителя, испугался и бросил их около себя, его-то мало задело, но одного тяжело ранило и 2-х легко. Вообще во всех полках массы случаев ранений своими гранатами. Миллионы раз говорили солдатам о необходимости осторожного обращения с запалами и бомбами, и несмотря на это, все-таки продолжают несчастные случаи. Ком[анди]р полка настаивает, чтобы суд присудил одного из таких, которые ранят себя нарочно, к смертной казни, чтобы подействовать на других, но суду каждого в отдельности жаль.

С наступлением темноты рота пошла на позицию в бат[альонный] резерв. Сменили 3-ю роту 7-го полка. Здесь уже блиндаж прочней. С вр[еменным] ком[андиро]м бат[альоном] пор[учиком] Ивановым жилось хорошо, хотя он и хотел посадить нас на уч[асток] 4 роты.

Однажды я написал письмо бывшему рот[но]му ком[анди]ру по училищу гв[ардейскому] капитану Тарасенко. И вот получил ответ от его супруги, которая пишет, что он умер в д[ействующей] армии от дизентерии, и подпор[учики] Матвеев и Смирнов, мои курсовые офицеры, убиты. Искренно жаль их. Я себе представить не могу, что они убиты. Кажется, давно ли они учили нас.

Говорят, в 6 роте обнаружили минную галерею прот[ивни]ка. На следующий день приехали ком[анди]р кор[пу]са со штаба, нач[альни]к див[изи]и со штаба, корпусные минеры и пр. Выслушивали и пр. Начали сбоку прокапывать проход. Заложили 12 пуд. динамиту. Но взрывать ком[анди]р корпуса запретил, потому и динамит вынули. Как

и предполагали, там ничего не оказалось, просто земля мерзлая и где-нибудь рубят дрова, а тут катится под землей.

13 февраля 1917 г.

Приехал шт[абс]-кап[итан] Дедученко. Он ни за что не хотел помещаться в том блиндаже, где жил пор[учик] Иванов, он переехал к нам в блиндаж. Он хотел, чтобы и мы тоже остались с ним, но Симонов перешел в другой блиндаж. Итак, я остался с ним. На вид это мрачный и угрюмый чел[овек], но и веселый временами. Часто напускает на себя с излишком вид грозного нач[альни]ка. Ужасно боится снарядов и немцев. Спит даже в сапогах. Почему-то носит Владимира 4 ст., когда в послужном списке не значится. В общем, чел[овек] хороший. Может быть, боязнь снарядов объясняется тем, что он 2 раза контужен и 1 р[аз] ранен. При каждом удобном случае, как перед боями и пр. опасностями, утекает из полка под видом болезни?..

28 февраля 1917 г.

Все эти дни мы по очереди дежурили побат[альонно] у телефона, по приказанию Дедученки. На фронте всё благополучно, изредка какая-нибудь перепалка.

Приезжал нач[альни]к див[изии], мы поставили указателей на каждом перекрестке и даже с надписью: «Трестень [стрелка вправо], Киев и дальше».

Частенько я изводил пор[учика] Лозко, возьму трубку и начну подражать Дедученке, а Лозко знает, что он им недоволен, и начинает трусить, я на него кричу, а потом скажу: «Ну а в общем поверочка!». Ох! Он тогда меня давай ругать, а я трубку брошу.

Наконец дождалась смены. После прихода смены наша рота, как и остальные, пошла на отдых в лес у кол. Трестень. В 3 час. ночи мы были уже на месте. Денщики пришли раньше и приготовили всё. Напившись чая, мы заснули в светлом и более лучшем блиндаже, чем там, со спокойной совестью.

* * *

2 марта 1917 г.

На этом месте мы уже стояли, так что всё было знакомо. Приехал подполк[овник] Карпов, назначенный к нам в помощники ком[анди]ру полка. Этот человек, пожалуй, знаком каждому солдату и большинству офицеров нашей дивизии. Он — наблюдающий за учебными

бат[альонами] и командами 102 див[изии]. Все роты пополнения проходят через его руки. Дисциплина там ужасная, мордобийство процветает. Только и слышишь от солдат, пришедших оттуда: «Нас там не учили, а гоняли и морду били». Действительно, многие были с синяками. У нас в полку сразу невзлюбили его, начинает сыпать своими замечаниями на всех.

3 марта 1917 г.

Вечером мы были вызваны в собрание. Приехал нач[альни]к дивизии. Мы все думали, что предстоит наступление. Н[ачальни]к див[изии], взволнованный, нам заявил, что в Петрограде революция и в России переворот государственного строя. Учреждено ответственное министерство во главе с председателем Гос[ударственной] думы М. Родзянко²⁹. На нас произвело это известие радостное впечатление, какое-то новое чувство запало в душу, так и вести войну легче. По крайней мере, не будет измены, и война до полной победы.

4 марта 1917 г.

Говорят, что В[еликий] К[нязь] Николай Николаевич стал опять Верховн[ым] Главн[окомандующим]³⁰ и что Государь³¹ отрекся от престола. Часа в 3 дня полк построили в поле, и ком[анди]р полка прочитал Манифест об отречении Государя от престола с наследником в пользу брата Мих[аила] Алекс[андровича]³² и приказ Ник[олая] Ник[олаевича] — «повиноваться нач[альника]м, вести себя спокойно и ждать новых распоряжений». И еще раз повторялось, что войну во что бы то ни стало довести до победного конца. На меня это ужасно подействовало. Император отказался от престола, ведь это что-нибудь да значит. Учреждено временное Правительство, т. к. в своем Манифесте В[еликий] К[нязь] Мих[аил] Ал[ександрович] хочет, если нужен

²⁹ Родзянко М. В. (1859–1924) — лидер партии октябристов, председатель Госдумы, один из видных участников Февральской революции.

³⁰ Речь идет о вел. кн. Николае Николаевиче (дяде императора Николая II), который в 1914–1915 гг. был Верховным Главнокомандующим и пользовался большой популярностью в народе и общественных кругах.

³¹ Николай II (1868–1918) — последний император Российской империи. В годы Первой мировой Верховный Главнокомандующий (с августа 1915 по март 1917 г.).

³² Вел. кн. Михаил Александрович (1878–1918) — брат Николая II. В годы Первой мировой командовал Кавказской туземной конной дивизией.

будет Царь, то пусть его выберет весь народ, а пока он тоже отказывается от престола.

Да! Величайшее событие мы сейчас переживаем. Но это, очевидно, всё к лучшему.

5–9 марта 1917 г.

С каждым днем мы узнаем всё больше и больше. Нам читают приказы уже Вр[еменного] Правительства, которое просит спокойно всё переждать, не волноваться. Из газет узнаем, что при помощи войск в Петрограде произошла революция и образовано Вр[еменное] Правительство из членов Гос[ударственной] думы с председателем кн. Львовым³³. Пишут об арестах прежних министров, раскрываются тайны Романовского дома, отношения Государыни к стране, Вильгельму и Распутину. Боже! Какие ужасы! Государя в газетах разносят ужасно. Государыню арестовали³⁴. К Государю приехали депутаты и заявили о революции, о перешедших на сторону революц[ии] войсках и пр., он по их предложению решил отказаться от престола. Говорят, он хотел открыть Минский фронт, для того чтобы немцы уладили восставших³⁵. Всеми армиями признано Вр[еменное] Правительство.

10 марта 1917 г.

Пишут об упразднении полиции, жандармов и учреждении милиций. По всем городам революционер[ские] движения, везде признано новое Правительство. Освобождены политические. Арестовали Государя, арестовали того человека, перед которым все раньше трепетали и которого теперь срамят и на которого теперь почти не обращают внимания. Его отправили в Царское Село. Пишут, что дети его больны. Татьяна³⁶ или сама отравилась, или ее отравили. В случае попытки

³³ Львов Г. Е. (1861–1925) — политический деятель, прогрессист, первый председатель Временного правительства.

³⁴ Речь идет об императрице Александре Федоровне, которую в то время многие считали «германской шпионкой», а Распутина — главным сторонником сепаратного мира.

³⁵ Хождение подобных слухов вовсе не удивительно, т. к. одной из причин падения легитимности императора были надуманные обвинения его в «тайных связях» с германцами.

³⁶ Видимо, вел. кн. Романова Т. Н. (1897–1918) — дочь Николая II. Во время Февральской революции дети последнего императора тяжело заболели корью.

Государыни защищаться обещали тяжелой арт[иллерией] разнести Александровский дворец со всеми обитателями. Ген[ерал] Иванов с эшелоном Георг[иевских] кавалеров пытался отстоять трон, но и его арестовали³⁷.

Торжество по Руси великое! Свободная Россия!!! Как это приятно!!!
Всюду митинги, собрания, обсуждения.

11 марта 1917 г.

Весь этот переворот у нас, на позиции, прошел тихо, мирно. Только удивлялись солдаты, зачем Царь отказался от престола: «Ну выгнал бы старых министров, Государыню, а сам бы остался», говорили они. Вот до чего привыкли видеть над собой власть, без которой, они думают, им будет хуже. А в общем большинство понимает создавшееся положение и довольны происшедшим переворотом.

Все свободные граждане!!! Как это хорошо! Никаких Превосходительств, Благородий уже не существует, не существует и обращения на «ты». Все офицеры обязаны называть на Вы солдат, и не нижними чинами, а солдатами, а они обязаны называть «г[осподи]н генерал, полковник, прапорщ[ик]». На этой почве масса инцидентов, но комических. Придет солдат, и первый раз назовет «г[осподи]н прапорщик», а второй Ваше Благородие. Мы строго запрещаем называть нас благородиями, ведь остатки рабства. Чем они ниже нас? Ничем. Только та разница, что мы добились науки, а они по вине Старой Власти даже не научены грамоте, вероятно, они нарочно хотели, чтобы русский мужик был серым, непонимающим. Сколько было и раньше, и теперь жертв за свободу России. Теперь еще живые освобождены. Дезертиры сами являются к войск[овым] нач[альника]м для отправки на позиции. Солдатам разрешено быть где угодно, курить в присутствии оф[ицеров] и пр. Нам, молодым офицерам, ничего не стоит привыкнуть к новым порядкам, а вот каково старым оф[ицерам] со старым закалом... Ничего, и они привыкнут, только бы не вернулась старая деспотическая власть.

<...>

³⁷ Иванов Н. И. (1851–1919) — генерал, отличился еще в русско-японскую войну. В 1914–1916 гг. был главнокомандующим Юго-Западным фронтом. В марте был заменен генералом А. А. Брусиловым. Во время Февральской революции был послан с находившимся в Ставке Георгиевским батальоном для усмирения Петрограда (назначался главнокомандующим Петроградским округом). Войска, по сути, отказались ему подчиняться.

12 марта 1917 г.

Часов в 10 у[тра] полк построился на опушке леса, вышел полковой священник³⁸, и мы, подняв два пальца вверх, принесли присягу Временному Правительству и Родине, безо всяких целований и пр., как было раньше.

Но вышла заминка с присяжными листами. Солдаты не хотели подписываться, хотели, чтобы лист был официальный с печатью, боялись, что он попадет в руки Старого Правительства, или когда все подпишутся, внизу ком[анди]р полка напишет: «Не желаем», в общем, много курьезов. Все говорят: «Как люди, а потом я распишусь», и пр. И вот каждый, ожидая, пока люди распишутся, не решался. В конце концов мы бросили и говорить по этому поводу.

Какой-то дурак, наверное, думая, что его кто боится или что свобода дает право писать что угодно, написал ком[анди]ру полка: «Г-н Шаматов! Убирайтесь из нашего полка! Иначе мы Вас <...> перевешаем, как мух. Вы нас мучаете, гоняете то на работы, то на занятия. Наступать не пойдем, а пойдем на Вас и перевешаем всех Вас» и пр. Мы, конечно, долго смеялись. Ком[анди]р полка, собрав полк, объявил им это письмо. Говоря про себя, он растрогался, чуть не заплакал, жаль его. Солдаты были поражены письмом. Другое письмо было подброшено ком[анди]ру 10 роты: «Вы защищаете свои интересы, — писали там, — Вам неприятно, что Вас сравнили с нами, а нам неприятно 3 года воевать, знайте, мы наступать не пойдем и миру дождемся в этом лесу» и пр. Чрезвычайно глупое письмо, будто мы тут виноваты.

В[еликий] К[нязь] Николай Ник[олаевич] устранен от должности Верх[овного] Главногоком[андующего] как член дома Романовых, на его место назначен ген[ерал] Алексеев³⁹.

13 марта 1917 г.

В газетах только и видны собрания, митинги и пр. собрания, говорить-то говорили бы, да только побольше снарядов и патронов делали, а то всё манифестации, торжественные похороны павших

³⁸ К присяге приводил о. Владимир Борковский. См.: РГВИА. Ф. 2954. Оп. 1. Д. 60. Л. 1.

³⁹ Алексеев М. В. (1857–1918) — генерал, выдающийся русский полководец Первой мировой. С августа 1915 г. — начальник штаба Верховного Главнокомандующего.

в революцию и пр., посмотрели бы, какие похороны здесь, как хоронят павших за ту же свободу России — закопают где попало и как попало. Поменьше торжеств, побольше дела!

14 и 15 марта 1917 г.

Вчера и сегодня наша 7-я рота говела, я вр[еменно] команду сей ротой. Я тоже исповедовался и причащался, всё происходило в самодельной церкви из плетней. Сделан алтарь, несколько икон, продаются свечи. Но всё не то, что дома, нет той торжественности службы.

Привезли кинематограф, показывали картины, слишком малы, но всё же они доставили нам и солдатам большое удовольствие.

За всё время отдыха нас гоняли на работы и занятия, почему мы очень устали и рады были идти на позицию.

Однажды на занятиях мы в небе заметили белое пятнышко, это, наверное, немцы пустили шары с прокламациями.

Был в бане, баня ничего, вымылись хорошо. Идя назад, нам пришлось по колено в воде шагать по болоту, не особенно приятно после бани. На обратном пути заходили в штаб дивизии, я поиграл на пианино.

Заявил ком[анди]ру полка, что желаю ехать в отпуск и пр.

16 марта 1917 г.

В 9 час. наш полк выступил из бивака на позицию. Эх! И паршиво же идти по грязи и воде, ноги промокают ужасно, а воды, воды! Откуда она только берется.

Наконец добрались до своего участка. И вскоре я, как свободный от дежурства, заснул⁴⁰.

17 марта 1917 г.

Позиция нельзя сказать чтобы была хорошая, но, во всяком случае, стрельбы мало. До противника далеко, до 3 тыс. шагов местами. Впереди Стоход разлился и получилось сплошное море, которое доходит до наших окопов — это хорошо, опасаться нападения уже нельзя, но зато скоро вода проникнет в окопы и блиндажи.

Пахнет весной, снег быстро сходит, солнце ярче светит и теплее. Кругом лес, природа, в общем, стоять хорошо.

* * *

⁴⁰ 406-й полк сменил 407-й полк у урочища Воля по правому берегу р. Стоход. См.: РГВИА. Ф. 2954 Оп. 1. Д. 60. Л. 2.

19 марта 1917 г.

Погода становится всё лучше и лучше. Снега уже не видно, теплынь, прямо приятно прогуляться по лесу.

Узнал, что разрешили отпуска, я позвонил к адъютанту, чтобы он доложил ком[анди]ру полка, что я хочу ехать в отпуск. Он доложил и объявил, что я еду. Я, конечно, остался почти равнодушен, т. к. когда ждал, то его не было, а когда не ждал, оказалось, еду.

20 марта 1917 г.

С нетерпением жду 21-го, когда мне будет урваться домой.

С вечера начал писать письма, написал ровно дюжину. И никому, кроме Леши и Мих. Ник., не сообщил, что еду в отпуск.

21 марта 1917 г.

Вот уже и 21-е, сейчас 3 часа ночи, я дежурю, а товарищи офицеры спят. Приготовил белье и т. п., в общем, сборы коротки. Хочется спать, пожалуй, скоро лягу, невозможно перед отпуском до рассвета подежурить. Прочитал газеты, хорошего мало, и плохого тоже, в общем, к нам мало отношения имеют, мы и так знаем, что дает победа врага над нами и что дает наша победа. Да! Но, в общем, буду спать до отпуска...